

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА КЛАССИКОВ

Н. А. НЕКРАСОВ

**КОМУ НА РУСИ
ЖИТЬ ХОРОШО**

ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**
Ленинград 1933 Москва

Текст подготовлен к печати
Н. Степановым.

П Р О Л О Г

В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временно-обязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень —
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож,
Сошлись — и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядячи:

¹ Поэма «Кому на Руси жить хорошо» писалась Некрасовым с 1863 по 1876 год, последняя часть ее — «Пир на весь мир» — при жизни Некрасова напечатана не была. Порядок частей в настоящем издании дан по «Полному собранию стихотворений Некрасова» под редакцией К. Чуковского (изд. 6-е ГИЗа), хотя он является лишь предположительным, так как Некрасов не только не успел закончить поэму, но и самую композицию ее частей окончательно не заметил. [Ред.]

Вельможному боярину.
Министру государеву.
А Пров сказал: царю...

Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь,
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать клад нашли ребяташки
И делят меж собой...
По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваново
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздомком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядом идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале, — то скорей.
Идут — перекоряются!
Кричат — не образумятся!
А времячко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночьку целую

Так шли — куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «почтенные!
Куда вы на ночь гляючи
Надумали итти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь...

— Куда?.. — Переглянулись
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились...
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?
Вас только, тени черные,
Нельзя поймать — обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел — умом раскидывал.
И молвил, наконец:

— Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться
Устали — не дойдем,
Присядем, — делать нечего,
До солнца отдохнем!.. —

Сватив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложились,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка,
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!
Косушки по три выпили,
Поели — и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому! —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!..

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Рутательски ругаются,
Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса... .

Гляди — уж и вцепились!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дожего —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверьями быстроногими
И гадами ползущими,
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? — не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь... .
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать!¹
Слетелися семь филинов,

¹ Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ).

Любуются побоищем
С семи больших деревьев,
Хохочут полуночники!
А их глазницы желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра,
Сидит да чорту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть услышала
Людские голоса —
Пришла к костру, оставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые,
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слышивал,
Без тела — а живет оно,
Без языка — кричит!

Сова, — замоскворецкая
Княгиня, — тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом...

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И чорт их не поймет!»
И в правду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят...

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне, наконец,
Из лужицы напились,
Умылись, освежились,
Сон начал их кренить...

Тем часом птенчик крохотный
По малу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.
Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал,
И молвил: «пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну — с ладони скатишься,
Чихну — в огонь укаатишься,
Щелкну — мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведем,
Поспросим — и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси!»

— Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли! —
Сказал утрюмый Пров.

— Да по ведру бы водочки, —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

— Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку, —
Шутили мужики.

— А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску.

— А вечером по чайничку
Горячего чайку... —
Пока они таторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человеческим голосом
Пахому говорит:

— Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой.

— А что ты дашь? — Дам хлебушка

По полупуду в день,
Дам водки по веде-р-очку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!

— А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков?

— Найти — найдете сами вы,
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти.
— Скажи!

— Идите по лесу
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобранная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
— Эй! скатерть самобранная!
Попотчуй мужиков!
По вашему хотению,
По моему велению
Все явится тотчас.
Теперь — пустите птенчика!

— Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальнюю, —
Ответил ей Пахом: —
Ты, вижу, птица мудрая
Уважь — одежду старую
На нас заворижи!

— Чтоб липовые лапотки
Носились, не сносились, —
Потребовал Роман.

По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домшкы не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведуют
Как ни на есть — доподлинно,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?

Зарок такой поставивши,
Под утро, как убитые,
Заснули мужики...

П Е Р В А Я Ч А С Т Ь

ГЛАВА I ЦОП

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов...
Леса, луга поемные,
Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние,
На ваши всходы бедные
Не весело глядеть!
«Недаром в зиму долгую, —
Толкуют наши странники, —
Снег каждый день валил.
Пришла весна — сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит — молчит, лежит — молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода — куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить — дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»

Не любо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой, избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копейка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,
Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники
Как им — легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются,
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.
Крестьяне сняли шапочки,
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

— Небось! мы не грабители! —
Сказал попу Лука.
(Лука — мужик присадиный,
С широкой бородищею,
Упряма, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:

Одним не птица мельница,
Что как ни машет крыльями,
Небось, не полетит.)

— Мы мужики степенные,
Из временно-обязанных,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тожь.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую,
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем...

— Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Аминь!..

— Спасибо, Слушай же!
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю!..
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — удумали.
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть, — доподлинно:
Кому жить лобо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь честной отец?.. —

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: «Православные!
Роптать на бога грех,
Несу мой крест с терпением,

Живу... а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте!»

— Начинай!

«В чем счастье по-вашему?
Покой, богатство, честь.
Не так ли, други милые?»

Они сказали: «так...»

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой?*
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
Поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство покупается,
Да лучше помолчим!

.

Дороги наши трудные,
Приход у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые
И в половодье внешнее
Иди — куда зовут!
Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломались одни,
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.

Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте,
Каков попу покой?..»

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
— Что скажешь нам еще?

«Теперь посмотрим, братия,
Каков попу почет?
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас?..»

«Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребьячьей?
Чур! отвечать на спрос!»
Крестьяне позамялись,
Молчат — и поп молчит...»

«С кем встречи вы боитесь,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!»
Кряхтят, переминаются,
Молчат!

«О ком слагаете
Вы сказки балагурные
И песни непристойные
И всякую хулу?..»

«Мать поладью степенную,
Попову дочь безвинную,

Семинариста всякого —
Как чувствуете вы?

«Кому в догон, злорадствуя,
Кричите: го-го-го?..»

Потупились ребятушки,
Молчат — и поп молчит...
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась — затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших разорванных
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается,
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки...»

«Не сами... по родителям
Мы так-то» — братья Губины
Сказали наконец.

И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: «Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики. . . »

— Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!

«Теперь посмотрим, братия,
Откудова *богачество*
Поповское идет? . .
Во время недалекое
Империю российскую
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодились и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралось,
Что деток нарождалось
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные.
Однако, доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждались:
У нас они венчались,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их.
А если и случалось,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наврное

В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник-праздником. . .
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении,
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой, холёные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

«Потом, статья. . . раскольники. . .
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан.
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

«Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир. . .
Законы, прежде строгие

К раскольникам, смягчились,
А с ними и поповскому
Доходу мат пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей.
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов...
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается
И рад бы дать, да нечего...

«А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пёски, болота, мхи,
Скотина ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг,
А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там — неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая

И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях — вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса!¹
(Сняв шапку, пастырь крестится,
И слушатели тож.)

«Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилцы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь тянется с костлявою
Мозолистой рукой.
Душа переверотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака!
Конечно, дело чистое —
За требу воздаяние;

¹ Крутая радуга — к ведру; пологая — к дождю.

Не братъ — так нечем жить,
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой... Аминь...»

Покончил речь — и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступились,
Низенько поклонились,
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорились,
Накинулись с упреками,
С отборной, крупной руганью
На бедного Луку.

— Что взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор!
Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина — не житье!
Попова каша с маслицом,
Попов пирог — с начинкою,
Поповы щи — с сметком!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудет!
Ну, вот тебе хваленое,

Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатой?
Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И по сей час козел!.. —

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно бы так и случилось,
Да к счастью крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре...

ГЛАВА II

СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут — хоть волком вой!
Не греет землю солнышко
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается

Зеленым ярким бархатом,
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехоньки!
Лишь на Николу вешнего
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой — пустехонько!
А день сегодня праздничный!
Куда пропал народ? ..»
Идут селом — на улице
Одни ребята малые,
В домах — старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.
Замок — собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!

Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
В припрыжку, словно по-суху,

Гуляют по воде.
По берегам, в раkitнике,
Коростели скрипят,
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами...
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую,
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге).
Другую — лошадиную
С веревкой сажень в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет — и конь плывет,
Мужик заржал — и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня — за холку хватъ,
Вскочил и на луг выехал
Детина: телое белое,
А шея, как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

— А что у вас в селении
Ни старого, ни малого,
Как вымер, весь народ?
«Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой».
— А далеко Кузьминское?

«Да будет версты три».
— Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку! —
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»

Кузьминское богатое,
А пуще того — грязное
Торговое село.
По кособору тянется,
Потом в овраг спускается,
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый на-глухо,
Изба в одно окошечко
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
В подобие уездного
Гостиного двора...

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного,

А словно пред иконами
Без шапок мужики.
Такая уж сторонущка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки:
Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоянных двориков
Да «ренского погреба»
Да пары кабаков,
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики — молодчики,
Наметанные, дошлые,
А все им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что протянулось
Крестьянских рук, со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой, жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее...
Хмельно, горласто, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовые,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,

Одеты по-столичному —
И ширится, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь — расфуфыряется!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных гляючи
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, что всходы вымокли,
Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не поднимаются,
А хлеба хоть не сей!»

— Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу!

«А ситцы те французские —
Собачьей кровью крашены!
Ну... поняла теперь?..»

По козней потолкались,
По взгорью, где навалены
Косули, грабли, бороны,
Багры, станки тележные,
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровьем, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один — не нравится,

Погнул другой, потужился,
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненок! Ось сломалась,
А стал ее удельвать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плеваю,
И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся.
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями, новой обувью,
Издельем кимряков.
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
— Ну, дядя! два двуривенных
Плати, не то проваливай! —
Сказал ему купец.
«А ты постой!» Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:

«Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
Купи гостинчик, дедушка,
Купи! — Головкóй шолковой
Лицо щекочет, ластится,
Цалует старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю...
Расхвастался Вавилушка,
И старому, и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?..

«Мне зять — плевать, и дочь смолчит,
Жена — плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!...» Пошел опять
Про внучку! Убивается!...

Народ собрался, слушает.
Не смеючись, жалеючи:
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных,
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников.
(Какого рода, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «баринoм».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевичку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские

И слушать их любил.
Его видали многие
На постоянных дворниках,
В харчевнях, в кабаках.)
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! — На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!

Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени запасались
Своим товаром в ней.
— А генералов надобно? —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Не надо нам Кутузова,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».
— Чудные, как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою. —
Тут дело не в комплектции...

«А в чем же? шутишь, друг!
Дрянь, что ли, сбьть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать невзрачного,
Попасть на доку надобно,
А толстого да грозного

Я всякому всучу...
Давай больших, осанистых,
Грудь с горю, глаз на выкате,
Да — чтобы больше звезд!»

— А статских не желаете?
«Ну, вот еще со статскими!»
(Однако, взяли — дешево! —
Какого-то сановника
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец — со всем почтением,
Что лобо, тем и потчует.
(С Лубянки — первый вор!)
Спустил по сотне Блюхера,
Архимандрита Фотия,
Разбойника Сипко,
Сбыл книги: «Шут Балакирев»
И «Английский милорд»...
Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке...
Чорт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времячко,
Когда (приди желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретигу,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой, люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слышали ли когда-нибудь

Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать...

«И рад бы в рай, да дверь-то где?»
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
— Тебе какую дверь?
«Да в балаган. Чу! музыка!..»
— Пойдем, я укажу!

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.

Комедию с Петрушкою,
С козою с барабанщицей
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия немудрая,
Однако, и неглупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек,
Народ орешки щелкает,
А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
— Откуда, молодцы?
«А были мы господские,
Играли на помещика,
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!»

— И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малой! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского — живей! .. —

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребятюк угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и цалуется
У праздника народ!!
Крестьянам показалось,
Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому
Неловко... Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули
Бурливое село ..

ГЛАВА III

ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой, не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали,
Барахтались пьяные
И стоном стон стоял!

Скрипят телеги грузные
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет — и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятеля
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту

Господь червонным золотом
По синему по бархату
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголодая
Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии...»

— Эй! с возу куль упал!
«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась — и упрыгнула,
Погладить не далась!»
— Добра ты, царска грамота,
Да не про нас ты писана...

«Посторонись народ!»
(Акцизные чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

— А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!

«Избави бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою —
Так это наплевать!»

«Куда ты скачешь, Саввушка? —
Кричит священник соцкому
Верхом с казенной бляхою».
— В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили... — Эх!... грехи!..»

— Худа ты стала, Дарьюшка!
«Не веретенце, друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я, как день-денской...»

«Эй, парень, парень глупенькой,
Оборванной, паршивенькой,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.
Средь самой среди дороженьки
Какой-то парень тихонькой
Большую яму выкопал:
— Что делаешь ты тут?
«А хороню я матушку!»
— Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей, да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!

— А ну, давай потянемся!

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,

И жилията и тужатся,
Кряхтят — на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!»
Не разольешь водой!

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: домой итти
Тошнее, чем на каторгу!
Другая: врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Кубок плевков, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять все нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..
«Ну, полно, полно, миленькой!
Ну, не сердись!» За валиком
Неподалеку слышится:
«Я ничего... пойдём!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли,
С дороги поглядишь:
Идут друженько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют...
Дорога многолюдная
Что позже — безобразнее:

Все чаще попадают
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади,
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые,
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников¹
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами
Крестьяне открываются
Миляте по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно не хорошо,

¹ Павел Веретенников — тип собирателя народных песен, основой для которого послужил Некрасову, повидимому, известный писатель-этнограф и собиратель Павел Якушин. Павел Якушин еще в 40-х годах, бросив университет, отправился странствовать по деревням под видом коробейника. [Ред.]

Что пьют до одурения,
Во рвы, канавы валяются —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать,
Да выискался пьяненькой
Мужик — он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал, — да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!
«Постой, башка порожняя!
Шальных вестей бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?
Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем,
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведро с водкою,
Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а так же маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова...
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда,
И не глядел бы!.. Видывал

В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
— Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись! —

«Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся...
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Все слопает один!
У нас пристал третьюводни
Такой же барин плохонькой,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой — допытывал,
На сколько в день сработаешь.
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодня меряет,
Иной в селеньи жителей

По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
Поскольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

«Нет меры хмелю русскому.
А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет,
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое
Скосивши волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам, по зажоринам
Ползком ползет с плетюхами, --
Трещит крестьянский пуп!

«!Под солнышком без шапочек
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкой
Изъеденные в кровь, —
Небось мы тут красивее?

«Жалеть — жалею умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

«У каждого крестьянина
Душа, что туча черная —
Гневна, грозна — и надо бы
Громам греметь оттудова,
Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом, — возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»

Мужик стоял на валике,
Притоптывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
«Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапошное, пьяное,
Шуми — вольней шуми!..»
— Как звать тебя, старинушка?
«А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: В деревне Босове
Яким Нагой живет,

Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»

Крестьяне рассмеялись
И рассказали барину,
Каков мужик. Яким.

Яким старик убогонькой,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солннышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет — с сохой возится,
А смерть придет Якимушке —
Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох..

С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелась —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилась,
А тут изба и рухнула —

Так оплошал Яким!
Смялись в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей...
«Ой, брат Яким! не дешево
Картинки обошлись!»
Зато и в избу новую
Повесил их, небось?»

— Повесил — есть и новые, —
Сказал Яким, — и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая, как вдавненный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука — кора древесная,
А волосы — песок.

Крестьяне как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласились
С Якимом: «Слово верное:
Нам подобает пить!
Пьем — значит силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!..
Не так ли?»

— Да, бог милостив

«Ну, выпей с нами чарочку!»

Достали, водки выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

«Ай, барин! не прогневался,
Разумная головушка! —
Сказал ему Яким: —
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по земли —
Не видят неба век!..»

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валяются,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная,
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век — что день без солнышка,
Мой век — что ночь без месяца,
А я млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж
Напился пьян, храпом храпит,

Меня млада-младешеньку
И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» — кричит ревнивый муж,
Привстал — и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам.
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «я спать хочу»,
А Марьюшка: «и я с тобой!»
Иван кричит: «постель узка»,
А Марьюшка: «уляжемся!»
Иван кричит: «ой холодно»,
А Марьюшка: «угреемся!»
Как вспомнили ту песенку,
Без слова — согласились
Ларец свой попытать!
Одна, зачем, бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,

Горой наклали хлебушка
И спрятались опять

Крестьяне подкрепились,
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешались
В толпу — искать счастливого.
Им крепко захотелось
Скорей попасть домой...

ГЛАВА IV СЧАСТЛИВЫЕ

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром, сколько вздумаешь —
На славу угостим!...»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.
Пришел дьячок уволенный,
Тощей, как спичка серная,
И лясы распустил,

Что счастье не в пажитях,
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.

— А в чем же?

«В благодуществе!

Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я!»

— А где возьмешь косушечку?
«Да вы же дать сулились...»

— Проваливай! шалишь! —

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
«Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда — сажени три,
А в поперечь — аршин!»
Над бабой посмеялись,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями
Чуть жив, а выпить хочется
«Я счастлив!» — говорит.

— Ну, открывай, старинушка,
В чем счастье солдатское?

Да не таись, смотри!
«А в том, во-первых, счастье,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того.
Я и во время мирное
Ходил ни сыт, ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих — за провинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай — жив!»

— На! выпивай, служивенькой!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив — слова нет! —

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес олончанин,
Плечистый, молодой:
«И я живу — не жалуюсь, —
Сказал он: — с жонкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!»

— Да в чем же ваше счастье?

«А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачиваю
В день на пять серебром!»

Пахом приподнял «счастье»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднес:
— Ну, веско! а не будет ли

Носиться с этим счастьем
Под старость тяжело? ..

«Смотри, не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкой,
Расслабленный, худой
(Нос острый, как у мертвого,
Как грабли, руки тощие,
Как спицы, ноги длинные,
Не человек — комар). —
Я был — не хуже каменщик,
Да тоже хвастал силою,
Вот бог и наказал;
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то с дуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклат я кирпичей,
А тут его, проклятого
И нанеси нелегкая:
«Что это? — говорит, —
Не узнаю Трофима я!
Итти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
— А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу — тяга страшная,
Да не хотелось пятиться,
И внес ту ношу чортову
Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай, молодец, Трофим!»

Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом,
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула...
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!»

— Налить? Да где ж тут счастье,
Мы потчует счастливого,
А ты что рассказал!
«Дослушай! будет счастье!»

— Да в чем же, говори!
«А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось, —
Всем одного желалось,
Как мне, попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастье
И тут: мы летом ехали,
В жарнице, в духоте,
У многих помутились
В конец большие головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит жонкой, матушкой.

Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —
Не сдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И все мне, братец, чудится,
Что режу пеунов
(Мы тоже пеунятники,
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов).
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! все с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь... по счастью
День кончился, а к вечеру
Похолодало, — сжалился
Над сиротами бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по божьей милости.
И легче стало мне...»

— Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастьем? —
Кричит разбитый на ноги
Дворовый человек: —
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит бог!
У первого боярина
У князя Переметьева
Я был любимый раб.

Жена — раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны...
Ой! как кольнуло!.. батюшки!..
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.) —
Крестьяне рассмеялись.
— Чего смеетесь, глупые? —
Озлившись неожиданно
Дворовый закричал: —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, господи
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить...
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал...
Ну, наливай!

— Проваливай!

У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам! —

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорусс,
Туда же к водке тянется:
«Налей и мне маненичко,
Я счастлив!» — говорит.

— А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывая
Сперва, чем счастлив ты?

«А счастье наше — в хлебушке:
Я дома в Белоруссии
С мякиною, с кострикою
Ячменный хлеб жевал,
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица, корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость божия! —
До сыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую — не нажуюсь!»

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо все глядит:
«Хожу я за медведями
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, бог милостив!»

— А ну-ка влево глянь! —

Не глянул, как ни пробовал,

Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
«Свернула мне медведица
Маненичко скулу!»
— А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит. . . — Посмеялись,
Однако, поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
«Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводит до ворот. . .
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяйюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давай, давай — весь каравай
Не мнетса и не крошится, —
Тебе скорей, а нам спорей. . .»

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерошку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастье мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

«А вы бы, други милье,
Спросить Ермилу Гирина, —
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей: —

Коли Ермил не выручит,
Счастливец не объявится,
Так и шататься нечего. . .»

— А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?

«Не князь, не граф сиятельный,
А просто он — мужик!»
— Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?

«А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися,
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило, как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение:
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать
Задатков третью часть,
А третья часть — до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплосал,
Схитрили ли подъячие,

А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
— Нет! — говорит Ермил. —
Подходит к председателю: —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»
— Что в полчаса ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»
— А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!

«Так полчаса позволите?»

— Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подъячие
С купцом переглянулись,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, — и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:

«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкой»

Назначены торги,
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука.
Приехал я без грошика,
Ан глядь — они спворовили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что часом ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось, найду, бог милостив!
Хитры, сильны подъячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников
А все не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить не выловить,
Ну, братцы! видит бог
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..

«И чудо сотворилось —
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную»

Целковилов, лобанчиков.¹
Прожженной, битой, трепанной
Крестьянской ассигнации.
Ермилу брал — не брезговал
И медным пятакон.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попалалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

«Уж сумма вся исполнилась,
'А щедрота народная
Росла: «бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет!»
Ермил народу кланялся
На все четыре стороны,
В палату шел со шляпоу,
Зажавши в ней казну.
Сдвигились подъячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол! . . .
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подъячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего,
Копейки не дал им!

«Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный пятницу
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Расчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!

¹ Лобанчики — полуимпериалы.

Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще — он сам рассказывал —
Рубль лишний — чей, бог ведает! —
Остался у него.
Весь день с мощной раскрытоу
Ходил Ермил, допытывал,
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилося,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым. . .
Так вот каков Ермил Ильич».

— Чуден! — сказали странники: —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округоу
Такою силу взял?

«Не колдовством, а правдоу.
Слыхали про Адовщину
Юрлова князя вотчину?»

— Слыхали, ну, так что ж?

«В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского
Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
'А наш Ермилу писарем
В конторе состоял.

«Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,

А он и посоветует,
И справку наведет!
Где хватит силы — выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.

«Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали...
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому
Хапуге привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семищника,
Проженный, из кутейников —
Ему и бог велел!

«Однако, волей божией
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденькой,
Прогнал того полковника,
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,
А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы недолго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: «Ермилу Гирина»
Как человек один!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,

С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»

«А мы: «нужды нет, батюшка,
И молод, да умен!»
Пошел Ермилу царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному,
Душой не покривил...»

— Стой! — крикнул укорительно
Какой-то попик седенькой
Рассказчику: — грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни; или странника
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина... —

— «А я, небось, не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели...»

— А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок.
Рассказчик призадумался

И, помолчав, сказал:

«Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,
Одна Ненила Власьевна
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы,
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться.
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он все одно: «преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилось,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.

«Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Во век не приходилось

Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старались,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать, ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухой,
Перед Ненилой Власьевной
Вдруг на колени пал!

«Ну, дело все обладилось,
У господина сильного
Везде рука: сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Не тяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино...

«Однако, после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.

Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести,
Народу не задерживал —
Прикащик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыховал,
Народ им не нахвалится,
Сходите вы к нему».

— Напрасно вы проходите, —
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп. —
Я знал Ермилу Гирина,
Понал я в ту губернию,
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)... С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,
Не купленный ни деньгами,
Ни страхом, строгой правдою
Умом и добротой!
Да только повторяю вам,
Напрасно вы проходите,

В остроге он сидит...

«Как так?»

— А воля божия!

Слышал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал)
«Осталась неизвестною
Причина» — так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни Столбнякам самим,
С чего стряслась оказия,
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство,
Сам государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То ласково попробует,
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так досгаточно,
Хотели уж солдатакам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина

Начальнику сказал:
«Народ поверит Гирину,
Народ его послушает...»
— Позвать его, живей!

Вдруг крик: «ай, ай! помилуйте!»
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника.
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три.
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь побежал, как встрепанный.
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнью
От иностранных вин: —
Откуда прыть явилась!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»

— Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?
«Пора домой, родимые,
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!»

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком,
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонились,
Повыстроились в ряд.
И тройке с колокольчиком
Загородили путь...

ГЛАВА V

ПОМЕЩИК

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяньенький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами,
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенный,
И дуло шестиствольное
На странников навел:

— Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! Грабители!
На месте уложу!.. —
Крестьяне рассмеялись:
«Какие мы разбойники,
Гляди — у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил!»
— Кто ж вы? чего вам надобно?

«У нас забота есть.
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово, крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости
По правде и по разуму
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе...»

— Извольте: слово честное,
Дворянское даю!
«Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам!»
— Эге! какие новости!
А, впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..

«Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временно-обязанных,
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости,

Из разных деревень —
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю!..
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили.
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с мальми ребятками,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?

Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как — вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?»

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им.
Схватился за бока
И покатился со смеху...
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал...

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

— Мы господа не важные
Перед твоею милостью
И постоим...

«Нет! нет!
Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако, делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Прощка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
Рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чуже-дальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань.

«Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?...»

— Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

«И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звон!...»

Прислушались странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись: «Покой крестьянину
И царствие небесное!»
Проговорили странники
И покрестились все...

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку — и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой, жизнь широкая!
Прости — прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!

Эй, Проща! (выпил водочки
И посвистал)

Не весело
Глядеть, как изменился
Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадают
Одни крестьяне пьяные.
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные
Да глупые посредники,
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалось
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалось
Колясок, бричек троечных
Дормезов шестерней!
Катит семья помещицы —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься влать.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг — ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе... Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещицы
И аккуратнó сложены

В колонны кирпичи!
Обширный сад помещицы,
Столетиями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, — мужик любит, как
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?
Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо? ..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещицы
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно,
Мужик сидит — не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий,
Звучит — топор разбойничий,
Шалят! .. а что поделаешь?
Кем лес убережешь? ..
Поля — недоработаны,
Посевы — недосеяны,
Порядку нет следа!
О, матушка! о, родная!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.

Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косою распущенной,
С неубранным лицом!..

«Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поют народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажая, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«На вынос и распишочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

«А нам земля осталася...
Ой ты, земля помещичья!
Ты нам не мать, а мачеха
Теперь»... «А кто велел? —
Кричат писаки праздные: —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: а кто же ждал?
Ох! эти проповедники!
Кричат: «довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! — учишь! трудись!..»

«Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь?
Я не крестьянин-лапотник —
Я божиею милостью
Российский дворянин!
Россия — не неметчина,
Нам чувства деликатные.

Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить...
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного,
А мне поют: «трудись!»
«А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, что имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать, охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать... Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо божие,
Носил ливрею царскую,
Сорил казну народную
И думал век так жить...
И вдруг... Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал...
•

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась, раскочилася:
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»
•

В Т О Р А Я Ч А С Т Ь

Крестьянка

ПРОЛОГ

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская, —
Не баба! доброумнее
И глаже — бабы нет.
Спросите вы Корчагину,
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша...»

Подумали — пошли,

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет-веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди божии

Побились над тобой,
Покамест ты оделся
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!...»
Довольно наши странники
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,
Пшеница, провинилась,
Что кормишь ты по выбору
Зато не налюбуются
На рожь, что кормит всех.

«Льны тоже нонче знатные.
Ай, бедненькой! запугался!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно,
Поцеловал: «лети!»
И птичка ввысь помчалась,
За нею умиленные
Следили мужики...

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча, на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет — щипнёт!
Теперь горох у всякого,
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!
Вся овощь огородная
Поспела; дети носят
Кто с репой, кто с морковкою,

Подсолнечник лушат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Гочь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полöse.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот, наконец, и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба — с подпоркою,
Как нищий с костылем;
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы,
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочки,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит...
Народ в полях — работает.
Заметив за селением
Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока — глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереде двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: — «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!...»
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:

По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стацит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!...»

Как прусаки слоняются
По нетопленной горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик,
В усадьбе той слоняются
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старое, все хворое
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на-помочь! Как ловится?..»

— Всего один карась!
А было их до проиасты
Да крепко навались мы,
Теперь — свищи в кулак!

«Хоть бы пяточек вынула!» —
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.
— Точенье-то столбики
С балкона, что ли, умница? —
Спросили мужики.

«С балкону!»

— То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху.

«Жду — не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе — не житье!»

И тут она погладила
Полунагова мальчика.
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган.)

— А что ему, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка: —
В железном-то тазу? —
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало,
А мать кричит: «Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него...»

Что шаг, то натыкались
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла,
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. — «Мало, дяденька!
Теперь они остались

Уж только наверху,
А было их до пропасти!»

— Да что в них проку? Зелены.

«Мы рады и таким!»

Бродили долго по саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять... Чай, лебеди
Гуляли по пруду?
Беседка... стойте! с надписью!...»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.

«Эй, врешь!» Хохочут странники...
Опять — и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадался,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры,
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)
Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел.
«Купите!» Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
— Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку,
Да сам ее читай!

«А тоже грамотеями
Считаетесь! — с досадою
Дворовый грохотел: —
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные

Да слово: воспрещается,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!»

— «Дорожки так загажены,
Что срам! у девок каменных
Отшиблены носы.
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика!»
Решили мужики:
«Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот...» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел... В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас...
Гудел — и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные,
Рыдающие... «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку,
Горяченькой ухой.

— «Певец Ново-Архангельской.
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились да уехали...
А он был рад-радехонек,
Какая уж Италия?
Обратно в Конотоп,
Ему здесь делать нечего...
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?..
Да у него ни спереди,
Ни сзади... кроме голосу...»

— Зато уж голосок!

«Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон... тоже с голосом...
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.
На башню как подымется
Да рвякнет наш: «Здо-ро-во ли.
Жи-вешь, о-тец И-пат?» —
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
«Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить!» — И-ду!.. —
Иду-то это в воздухе
Час целый откликнется...
Такие жеребцы!..»

Домой скотина гонится,
Дорога запьлилася,
Запахло молоком,
Вдохнула мать Митюхина:

Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла!
— Чу, песня за деревнею,
Прошай, горюшка бедная!
Идем встречать народ. —

Легко вздохнули странники:
Им после двора, ноющей
Красива показала
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц,
Все дело девки красили
(Толпа без красных девушек,
Что рожь без васильков).

— Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?

«Что нужно, молодцы?»
Матрена Тимофеевна —
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива: волос с проседью
Глаза большие, строгие,
Ресницы богачейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

«Что нужно вам, молодчики?»

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,
Потом поклон отвесили:
— Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,

Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временно-обязанных,
Подтянутой губернии,
Пустопорожней волости
И смежных деревень:
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина,
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы — и заспорили,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю! ..
Мужик, что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши — повздорили,
Повздоривши — подрались,
Подравшись — удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с жонами,
Ни с малыми ребятами,

Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем.
Покуда не доведем
Как ни на есть — доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси? ..

Попа уж мы довели,
Довели помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужиченков, царь?),
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь... Скажи по-божески.
В чем счастье твое? —

Не то, чтоб удивилась
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она...

«Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая.
Досуг ли толковать? ..»

— Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал! —
Просили мужики.
«У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые...»

— А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра, — к вечеру
Всю рожь твою сожнем! —

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
«Согласна, — говорит: —
Такие-то вы brave,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти».

— А ты нам душу выложи!

«Не скрöю ничего!»

Покуда Тимофеевна
С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос — дубов краса.
Под ним присели странники:
*«Эй, скатерть самобранная,
Попотчуй мужиков».*

И скатерть развернулася,
Откуда ни взялся
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...
Гогочут братья Губины!
Такую редьку шапали
На огороде — страсть!

Уж звезды рассажались
По небу темносинему,
Высоко месяц стал,
Когда пришла хозяйшкa

И стала нашим странникам
«Всю душу открывать...»

ГЛАВА I

ДО ЗАМУЖЕСТВА

Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до-свету,
Будил дочурку ласково,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: «вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,
В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»
Управится с горшечками,
Все вымоет, все выскребет,
Посадит хлебы в печь, —
Идет родная матушка,
Не будит — больше кутает:
«Спи, милая касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье — не долог он!
Уложат спать позднехонько,
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее — да полное
Лукошко набери!...»

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества¹
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: «бери-ка грабельки
Да сено вороши!»
Так к делу приобыкла я...
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я с молодю была.
День в поле проработаешь,
Грязна домой воротинься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баненке,
Березовому веничку,
Студеному ключу, —
Опять бела, свежехонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,
Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!...» — уйдет...
Да как я их ни бегала,

¹ Деревенский обычай.

А выискался суженой,
На горе — чужанин!
Филипп Корчагин — питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
«Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонущка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно,
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые.
И люди засмеют!»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала...

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелось
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу...

В дому ли во родительском?
Ах, кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:
«Мил-братец! шолку, гарусу
Кули — семи цветов,
Да гарнитуру' синего!»
Я по углам бы вышла
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке — солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы, —
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала...
«Оставь, — я парню молвила: —
Я в подневолье с волошки,
Бог видит, не пойду!»

— Таковую даль мы ехали.
Иди! — сказал Филиппушка: —
Не стану обижать! —

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай,
Пригож-румян, широк, могуч,
Рус волосом, тих говором —
Пал на сердце Филипп!

— Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной — не каяться,

А мне с тобой не плакаться...
Я вся тут такова!
— Небось, не буду каяться,
Небось, не будешь плакаться! —
Филиппушка сказал.

Пока мы торговались,
Филиппу я: — уйди ты прочь! —
А он: «иди со мной!»
Известно: «ненаглядная,
Хорошая... пригожая...»
— Ай!.. — Вдруг рванулась я...
«Чего ты? Эка силища!»
Не удержи — не видеть бы
Во век ему Матренушки,
Да удержал Филипп!
Пока мы торговались,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастье...
А больше вряд когда!

Я помню ночка звездная
Такая же хорошая,
Как и теперь, была...

Вдохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилась,
Унынным, тихим голосом
Пропела про себя:

Ты скажи, за что
Молодой купец
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!

— Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся...

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка.
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары наливали:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилась —
Вздогнули ноги резвые;
Второй я поклонилась —
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилась —
И волюшка¹ скатилась
С девичьей головы...

— Так значит: свадьба? Следует, —
Сказал один из Губиных: —
Проздравить молодых.

— Давай! Начни с хозяйюшки.
— Пьешь водку, Тимофеевна?
— Старухе — да не пить?..

ГЛАВА II

ПЕСНИ

У суда стоять —
Ломит ноженьки,

¹ За время последней вечеринки, или горученья, с невесты снимают волю. т. е. ленту, которую носят девицы до замужества.

Под венцом стоять —
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену —
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою...
Все, что в песенке
Той певалось,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

— Начинай, кума!
Нам подхватывать...

Матрена

Спится мне младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Странники (хором)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Странники (хором)

Стучит, гремит, стучит, гермит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты — сонливая!
Встань, встань, встань, ты — дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Семья была большущая,
Сварливая... попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плой на раскаленное
Железо — зашипит.
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную
Работай, как раба;
За свекром приглядывай,
Сплошаешь — у кабатчика
Пропажу выкупай.

И встань, и сядь с приметой,
Не то свекровь обидится;
А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоньч,
Поймали, — полумертвого
Подкинули в сарай. . .

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковой,
Да прокатил на саночках
В Екатеринин ден,¹
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас — нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать. . .

— Уж будто не колачивал? —
Замаялась Тимофеевна:
«Раз только» — тихим голосом
Промолвила она.

— За что? — спросили странники.

«Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты разбились.
— Дай башмаки Оленушке,
Жена! — сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,
Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
— Ну, благо, ты приехала,
И так походишь! — молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.
Филипп подбавил жонушке.
— Давненько не видались мы,
А знать бы — так не ехать бы! —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка. . .
И все тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!

— Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, рады случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули

¹ Первое катанье на санях.

Про шелковую плеточку,
Про мужнину родню.

**

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах, лели! лели!
Кровь пробрызнула...

**

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня
От лиха-мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

**

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня

112

От лиха-мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить...

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула...
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула...

Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писаной был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей...
Не стала я тревожиться,
Что ни велют — работаю,
Как ни бранят — молчу.

Да тут беда подсунулась.
Абрам Гордеев Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
— Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка... —
«Отстань, бестыдник! ягодка,

Да бору не того!»
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся, —
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»
— Гони его, родимая,
По шее! — «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» — Я к дедушке:
— Что делать? Научи! —

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня... Рассказывать
Про деда, молодцы?

— Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика, —
Сказали мужики.

— Ну, то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку,
Счастливец тоже был...

ГЛАВА III

САВЕЛИЙ БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривой,
Чай двадцать лет нестриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала все боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну, распрямится?

Пробьет дыру медведище
В светелке головой!
Да распрямится дедушка
Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов.
Дед жил в особой горнице,
Семейки не долюбил
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клеяменным, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится,
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменный, да не раб!»...
А крепко досадят ему,
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золовушка — к окну:
Ан вместо сватов — нищие!
Из оловянной пуговицы
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного.
Побитый прилежся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков,
А зиму разговаривал
На печке сам с собой
Имел слова любимые,

И выпускал их дедушка
По слову через час.

«Погибшие... пропащие...»

«Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»

«Не дотерпеть — пропасть!...»
Перетерпеть — пропасть!»

«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного!
Всю жизнь его дерут,
Раздумается временем
О смерти — муки адские
В ту-светной жизни ждут».

«Надумалась Корежина,
Надай! надай! надай!»

И много! да забыла я...
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженькой...

Вот раз и говорю:
— За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?

«Я каторжником был».
— Ты, дедушка?

«Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля

Христьяна Христианыча
Живого закопал...»

— И полно! шутишь, дедушка!

«Нет, не шучу. Послушай-ка!»
И все мне рассказал.

«Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем».

— Да как же так, Савельюшка?

«А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонюшки
Три года чорт искал,
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие,
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим — военный был...
К нам достигнуться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по году,
Вот были времена!
А нынче — барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью...»

Тьфу! прах ее возьми!
Нас только и тревожили
Медведи, да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем, да с рогатиной
Я сам страшной сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «мой лес!» — кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что — словно как на вертеле
Цыпленок — завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулась.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп¹ я похож?»

— Ты начал, так досказывай!
Ну жили — не тужили вы,
Что ж дальше, голова?

По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засуха сильная.
Наехала полиция,
Мы дань ей — медом, рыбою!
Наехала опять,

¹ Деревенский колодец.

Грозит с конвоем выправить,
Мы — шкурами звериными!
А в третий — мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корежина!..
Пришли.. (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» — Оброку нет!
Хлеба не уродились,
Снеточки не ловились..
«Оброк!» — Оброку нет! —
Не стал и разговаривать:
«Эй! перемена первая!»
И начал нас пороть.

«Туга мощна корежская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешались,
Мозги уж потрясались
В головушках — дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И баришу «лобанчиков»
Полшапки поднесли.

Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднеси нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корегой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то — вот бог! — решился я
Содрать с вас шкуру начисто...
На барабан напялил бы
И подарил полку!

Ха-ха, ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет — рад придумочке)
Вот был бы барабан!»

«Идем домой понурые...
Два старика кряжистые
Смеются... Ай кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие,
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
«Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!»
И прочим стало совестно,
На церковь побожились:
«Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!»

«Понравились помещику
Корежские лобанчики,
Что год — зовет... дерет.

«Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину,
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпывал:
Помалчивал, подумывал.
«Как не дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!»
Как примет дань Шалашников,
Уйдем — и за заставою
Поделим барыши:

«Что денег-то осталось!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над барином
Корега в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

«Зато купцами жили мы...

«Подходит лето красное,
Ждем грамоты... Пришла...
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один, как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
И был сначала тихонькой:
«Платите, сколько можете».
— Не можем ничего!
«Я барина уведомлю».
— Уведомь!.. — Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою,
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу — бац да бац!

Смеялись мы: «Не любишь ты
Корежского комарика...
Не любишь, немчура?..»
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке...

«С ребятами, с девочками
Сдружился, бродит по лесу...
Не даром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» — А в чем твоя
Работа? — «Окопать
Канавами желательню
Болото...» Окопали мы...
«Теперь рубите лес...»
Ну, хорошо! Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

«Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки,
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властью,
Гостишек полон двор!

«И тут настала каторга
Корежскому крестьянину —

До нитки разорил!
А драл... как сам Шалашников!
Да тот был прост: накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать, ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца — хватка мертвая.
Пока не пустит по миру,
Не отойдя, сосет!»

— Как вы терпели, дедушка?
«А потому терпели мы,
Что мы — богатыри.
В том богатство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик — не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою — а богатырь!

«Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина... леса дремучие
Прошли по ней — сломались.
А грудь? Илья пророк
По ней гремит-катается
На колеснице огненной...
Все терпит богатырь!

«И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится...
Ужли не богатырь?»

— Ты шутишь шутики, дедушка! --
Сказала я. — Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!

«Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы — кровь течет!
Не знаю, не придумая,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полулежал, подумывал:
«Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася?
— Под розгами, под палками
По мелочам ушла!»

— А что же немец, дедушка?

«А немец, как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали — до поры!

«Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевтером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,
Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал.
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая...
Случилось, я легонечко

Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий... Мы посгрудились...
До ямы два шага...
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза... а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Все к яме... все на край...
И немец в яму бухнулся,
Кричит: веревку! лестницу!
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» — я слово выронил, —
Под слово люди русские
Работают дружной.
«Наддай! наддай!» Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сравнялася с землей!
Тут мы переглянулись...»

Остановился дедушка.

— Что ж дальше?

«Дальше: дрянь!

Кабак... острог в Буй-городе,
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали — помазали,
Плохое там дранье!
Потом... бежал я с каторги...
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —

Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней — я не поморщился
С заводского дранья.
Тот мастер был — умел пороть.
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

«А жизнь была не легкая:
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх! вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать...»

Тут кончил речь Савельюшка...

— Ну, что ж? — сказали странники: —
Досказывай, хозяйюшка,
Свое житье-бытье!

— Не весело досказывать.
Одной беды бог миновал:
Холерой умер Ситников, —
Другая подошла.

«Наддай!» — сказали странники
(Им слово полюбилися)
И выпили винца...

ГЛАВА IV

ДЕМУШКА

Зажгло грозою дерево,
А было солозыное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похололила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»
До тла сгорело дерево,
До тла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева... ни гнездышка...
Ни птенчиков!.. Поет, зовет...
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженькам... лелеяла...
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Немного с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,

Мы землю не лентясь
Удобрили, ухололи, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопам нагужала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани — с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани — на базар!).
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек, как смерть:
«Прости, прости, Матренушка!»
И повалился в ноженьки:
«Мой грех — не доглядел!»...

Ой, ласточка! ой, глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день, то прибавляется
Вода в реке: зальет она
Детенышей твоих.
Ой, бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку —

Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами.
Чу, сбруя золочоная
Звенит... еще беда!
Ребята испугались,
По измам разбежались,
У окон заметались
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой,
Бежит в поля, луга.
Собрал народ: идут — кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошенных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержались,
Сапожки притоптались,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван,
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порывивал...
«Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием
В сожительстве? Винись!»
Я шопотом ответила:
«Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию

Сто лет... Чай, знаешь сам?»
Как в стойле конь подкованный,
Затопа!; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристом,
Вся закипела я...
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.
Вздрогнула я, одумалась.
— Нет, говорю, я Демушку
Любила, берегла...
«А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
— Нет! сохрани господь!.. —
И тут я покорилась,
Я в ноги поклонилась: —
«Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему .. — Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее — нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я не взвидела, —
Металась и кричала я:
— Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки

Не на землю, не на воду,
Не на господень храм!
Падите прямо на сердце
Злодею моему!
Ты дай же, боже господи!
Чтоб тлен пришел на платице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему не умную
Пошли, детей — юродивых!
Прими, услыши, господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи! .. —
«Никак она помешана? —
Сказал начальник сотскому: —
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велью!..»

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке — широкий нож,
В другой ручник — и кровь на нем,
А на носу очки.
Так тихо стало в горнице...
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
«Ножом в сердцах читаете»,
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася...

* Взято почти буквально из народного причитания.

«Ну, так и есть — помешана!
Связать ее!» — десятинику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»

— Нет! —

Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

«Не примечали?» — Нет! —

Спросили деда старого:

— Не примечал! равна была. . . —

Одно: к начальству крикнули,
Пошла. . . а ни целковика,
Ни новины, пропащая,
С собой и не взяла!

Заплакал навзрыд дедушка
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилась!
Прогневался бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Демущку,
Цыновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: «Прошу покорнейше!»
А поп ему: «Что просите?
Без прутика, без кнутика

Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!»

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожались.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела!)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялись!
Как вихорь налетал,
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал.
Ломал перстни злаченные. . .
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал,
Я слышала, как шопотом
Поп плакался ему:
«У нас народ — все голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному
Одни грехи тащат!»
Потом я песни слышала,
Все голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка. . .
Чу, пляска! Чу, гармония!
И вдруг затихло все. . .
Заснула, видно, что ли, я?
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!»
И крестит. . . С рук скатилися
Веревки. . . Я не помнила
Потом уж ничего. . .
Очнулась я. Темно кругом,

Гляжу в окно — глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею,
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла — и все я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах...
«Ой, плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки...
Ой, жестко будет Демушке,
Ой, страшно будет спать!..
Уйди!..» — вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою
Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна кричала я:
«Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты... уйди!..»
Старик ни с места. Крестится,
Читает... Уходилась я,

Тут дедко подошел:
«Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь мою рассказывал
Да рассказал не все:
Леса у нас угрюмые,
Озера *нелюдимиые*,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь — сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга...
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дёма-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Дёмушка...
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:
Третьево дни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка... лапочкой,
Как кошка умывалась...
Не выпалил: живи!
Брожу по рошам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Дёмушкой...
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное...
Кори, казни меня!
А с богом спорить нечего.

Стань! помолись за Дёмушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?»

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил...
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

«Теперь в раю твой Дёмушка,
Легко ему, светло ему. . .»

Заплакал старый дед.

— Я не ропщу, — сказала я, —
Что бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругались над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали? . . . Неужли
Ни бог, ни царь не вступится? . . .

«Высоко бог, далеко царь. . .»

— Нужды нет: я дойду!

«Ах что ты, что ты, внученька? .
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти».

— Да почему же, дедушка?

«Ты — крепостная женщина». —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала...
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула... К гробику
Подвел меня старик:
«Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Дёмушку!»
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до света белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным ровным голосом
Над Дёмою читал... .

ГЛАВА V

ВОЛЧИЦА

Уж двадцать лет, как Дёмушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт, — все жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру.¹
Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
И видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Возжами поучить,
Так я ему ответила:
«Убей! — Я в ноги кланялась. —
— Убей! один конец!»
Повесил возжи батюшка.
На Дёминой могилочке
Я день и ночь жила.

¹ Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то бог в наказание не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть».

Платочком обметала я
Могилу, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитесь?
Семьи моей стыдитесь?
«Ах, нет родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,
Твои беды выспрашивать —
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ты мы думу думали:
Приедем — ты расплачешься,
Уедем — заревешь!»

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилась,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем.

— Что ж, умер, что ли, дедушка?

— Нет. Он в своей коморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса,
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филипом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,

Неделя за неделю,
Одним порядком шли.
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь — когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь — когда больна...
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое:
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть.

Впереди летит — ясным соколом,
Позади летит — черным вороном.
Впереди летит — не укатится,
Позади летит — не останется...

Лишилась я родителей...
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нужды нет сказывать...
На Дёмину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике
Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого
Увидела. — Савельюшка!
Откуда ты взялся?

«Пришел я из Песочного...
Молюсь за Дёму бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!

Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил господь... Прости!»

— Давно простила, дедушка!

Вздыхнул Савелий... «Внученька!
А, внученька!» — Что, дедушка?
«Попрежнему взгляни!»

Взглянула я попрежнему.
Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое...

Не долго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел, хрипел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
«Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского
Костлявый я похож?»
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: «Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись,
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые,

Что на роду написано,
Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог, да каторга,
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая — шелку красного,
А третья — шелку черного,
Любую выбирай,
В любую полезай!..»
Так засмеялся дедушка,
Что все в каморке вздрогнули, —
И к ночи умер он.
Как приказал — исполнили:
Зарыли рядом с Дёмою...
Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Пошли потом... Всею
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя — в постель;
За всех, по всех работаю,
С свекрови, с свекра пьяного
С золовочки бракованной¹
Снимаю сапоги...
Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я...
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрени

¹ Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то последняя называется бракованной.

Будила... а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливается:
И бога-то ей боязно,
И дитятко-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
Во подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася —
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
— Что держишь ты его? —
«Посечь хотим маненечко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков!»
Я вырвала Федотушку
Да с ног Силантья старосту
Я сбила невзначай.

Случилось дело дивное:

Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сижу я, — так рассказывал
Сынок мой, — на пригорочке.
Откуда ни возьмись,
Волчица преогромная —
И хватъ овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу Валетку, уськаю...
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щонная.
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка,
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет — оглянется,
А я как припушу!
И села... Я кнутом ее:
«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит...
Я не сробел: «так вырву же,
— Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал... Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька,
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету,
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи... и завыла вдруг.
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая...
Волчица так ли жалобно

Глядела, выла... Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем случилось.
Пришел в село да, глупенький,
Все сам и рассказал,
Зато и сечь надумали.
Да благо подоспела я...
Силантий осерчал,
Кричит: «Чего толкаешься,
Самой под розги хочеться?»
'А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!»
И рвет из рук Федотушку.
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
— Не выдай! Будь заступником!
«В чем дело?» — крикнул старосту
И мигом порешил:
«Подпaska малолетнего
По младости, по глупости
Простить... а бабу дерзкую
Примерно наказать!»

— Ай, барин!» — я подпрыгнула. —
Освободил Федотушку,
Иди домой, Федот!

«Исполним повеленное! —
Сказал мирянам староста, —
Эй, погоди плясать!»

Соседка тут подсунулась:
«А ты бы в ноги старосте...»

— Иди домой, Федот!

Я мальчика погладила:
— Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь... Иди! —

Из песни слово выкинуть —
Так песня вся нарушится.
Легла я, молодцы...

В Федотову каморочку,
Как кошка, я прокралась:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
— Ты плакал, что ли, беденький?
Спи. Ничего. Я тут!
Тужила я по Демушке,
Как им была беременна —
Слабенец родился,
Однако вышел умница:
На фабрике Альферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть! —
Всю ночь над ним сидела я.
Я пастушка любезного
До солнца подняла.
Сама обула в лапотки,
Перекрестила, шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семейюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быстрою,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала сирота!

Громко я звала родителя:
— Ты приходи, заступник-батюшка!
Посмотри на дочь любимую... —
Понапрасну я звала,
Нет великой оборонушки!
Рано, гостя бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко крикнула я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь — ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь...

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь — слезами обливаюся,
День — как травка пристилаюся...
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

ГЛАВА VI ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе,
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его

Метут метлою огненной¹
Перед стопами божьими
В небесном поле путь;
Другие тоже думали,
Да только на антихриста,
И чуяли беду.
Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год...
Волчицу ту Федотову
Я вспомнила — голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилась,
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? *Рубаху чистую*
*Надела в Рождество.*²
За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили на смерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей —
Рекрутчина пришла.
Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка

¹ Комета.

² Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество: то жди неурожая. (Есть у Дая.)

Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшего дай!
Я по годам высчитывал,
Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубись,
Что тени из стены!
Задарен... все задарены...
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Поверить повелел.
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я... То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю... Бог весть что думаю...

Не дума... бред... Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной... Неласково
Глядит ни них серьезные,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом...
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать,
Молчи, - солдатка-мать!

Теперь уж я не дольщика
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богатство:
Три озера наплакано
Горячих слез, засеяно
Три полосы бедой!

Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой...
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Как жить самой? Как деточек
Поить, кормить, растить?..

Послала деток по миру:
— Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать! —
А дети в слезы; «Холодно!
На нас одежда рваная,
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать;
Под окнами натопчемся.

Иззябнем... У богатого
Нам боязно просить,
«Бог даст!» — ответят бедные...
Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..»

Собрала ужин; матушку,
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая,
В постель скорей торопись!»

А деверь говорит:
«Немного ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалась,
Как солнышко зайдет!»

Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь божию,
Смех слышу за собой!

Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело — не смейся,
Не поплачь с тоски!

Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери
Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?

С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбывать?
В леса — леса повяли бы,
В луга — луга сгорели бы!
Во быструю реку, —
Вода бы отстоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!

Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут... Остановились...
Построились в ряды.
«Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!»
Шалашников кричит.
Упал Филипп: — Помилуйте!
«А ты попробуй, слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»

И тут я с печи прыгнула,
Обулась. Долго слушала:
Все тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная...
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собирались,
Гремела песня складная,
Любимая моя...

«На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка

Будил ее, побуживал:
«Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!»

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка.

Будила, побуживала:
«Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!»

Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет...

На горе стоит елочка
Под горою светелочка
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр, сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:

«Машенька, пойдем домой!
Душа, Ефимовна, пойдем домой!»

Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозки есть,
Леса темны, караулы есть».

ГЛАВА VII

ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню, — чудилось,
Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:

Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя...
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, — словно радостью
Так и взмывало грудь...
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.

Упала на колени я:
— Открой мне, матерь божия,
Чем бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,
Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь все, владычица!
Ты можешь все, заступница!
Спаси рабу свою! . . . —

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом божием
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет — вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней - не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилось,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой снежной скатерти
Горящей головой. . .

Потом — в дорогу тронулась.
Знакомая дороженька:
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души, под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то все, я думала:
Рабочий конь солому ест,
А пустопяс — овес!
Нужда с кулем тащилась, —
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырьники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрени,
Как в город я пошла.
Ищу соборной площади:
Я знала — губернаторский
Дворец на площади,
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

— Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?
«Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено!

(Дала ему двугривенный.)
На то у губернатора
Особый есть швейцар». —
А где он? как назвать его?
«Макаром Федосеичем.
На лестницу поди!»
Пошла, да двери заперты,
Присела я, задумалась,
Уж начало светать,
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

«Эй, что ты тут расселася?»
Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенький
Макару Федосеичу
С поклоном подала:

— Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть — дойти!
«Пускать-то вас не велено,
Да... ничего!.. толкнись-ка ты
Так... через два часа...»

Ушла. Бреду тихохонько...
Стоит из меди кованный,
Точ-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
— Чей памятник? — «Сусанина».
Я перед ним помешкала,
На рынок побрела.
Там крепко испугалась я.
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался

Матерый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил — чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали, шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешаны. «В котором-то
Гвоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны? ..»

Сторонкой, не по коврику
Прокрадалась я в швейцарскую.

«Раненько ты, кума!»

Опять я испугалася,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется. — «Что ты вздрогнула?»
— Устала я, родной!

«А ты не трусь! Бог милостив!

Ты дай еще целковенький,
Увидишь — удружу!»

Дала еще целковенький.
Пойдем в мою каморочку,
Попьешь пока чайку!»

Каморочка под лестницей
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар,
В углу лампадка теплится,
А по стене картиночки.
«Вот он! — сказал Макар: —
Его превосходительство» —
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

— Да добрый ли? — спросила я.

«Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем
Как пес бываю зол».

— Скучаешь, видно, дяденька?
«Нет, тут статья особая,
Не скука — тут война!
И Сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В каморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку липнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой! ..»

Я вспомнила

Про богатрство дедово:
— Ты, дядюшка, — сказала я: —
Должно быть, богатырь.

«Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборол!»

В каморку постучались,
Макар ушел... Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась,
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали,
— Сам едет? — «Губернаторша!» —
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала.
(Да видно надоумила
Владычица!) Как брошусь я
Ей в ноги: — Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!

«Откуда ты, голубушка?»

Впопад ли я ответила —
Не знаю... Мука смертная
Под сердце подошла...

Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице,
Под пологом лежу;
Против меня — кормилица
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит:
— Чье дитяtko, красавица?
«Твое!» — поцеловала я
Рожоное дитя...

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталь долгая,
Истома непомерная,
Упердилось времячко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя: Лиодорушка
Младенцу избрала...

«А что же с мужем сталося?»
— Послали в Клин нарочного,
Всю истину довели —
Филипушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама — дай бог ей счастье! —
За ручку подвела.
Добра была, умна была,
Красивая, здоровая,
А деток не дал бог!
Пока у ней гостила я,
Все время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.

Весна уж начиналася,
Как мы домой пошли...

Хорошо, светло
В мире божием!
Хорошо, легко,
Ясно на сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полбуемся.
Полбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим...
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего,
Подадим ему
Мы копеечку:
«Не за нас молись, —
Скажем старому: —
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»

А увидим мы
Церковь божию,
Перед церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, господи,
Радость-счастье,
Доброй душеньке
Александровне!»

Зеленеет лес,
Зеленет луг,
Где низиночка —

Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире божем,
Хорошо, легко
Ясно на сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу —
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем...
Поклонился мне
Свекор-батюшка,
Поклонилась
Мать-свекровушка,
Деверья, зятя
Поклонились,
Повинились!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте,
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильнее меня, —
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!

ГЛАВА VIII БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая

За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И видя, что хозяйюшка
Ко стогу приклонилася,
К ней подошли гуськом:
— Что ж дальше?

— Сами знаете:

Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры...
Что дальше? Домом правлю я,
Рошу детей... На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы:
Уж взяли одного!

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали,
Шептались. — Ну, хозяйюшка!
Что скажешь нам еще?

— А то, что вы затеяли
Не дело — между бабами
Счастливую искать!..
— Да все ли рассказала ты?

— Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что бог сибирской язвою
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я
Как мерин в бороне!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота...
Чего же вам еще?

Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я, —
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,
По мне — тихо, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плоть по мне прошла!
Я только не отведала, —
Спасибо, умер Ситников, —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы — за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте,
Вот бог, ни с чем проходите
До гробовой доски!
К нам на ночь попросилася
Одна старушка божия:
Вся жизнь убогой старицы —
Убийство плоти, пост:
У гроба Иисусова
Молилась, на Фаворские
Всходила высоты.

В Иордань-реке купалася...
И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут — не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба их...
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли господни ратники
Пустыни, города —
И у волков выпрашивать,
И по звездам высчитывать
Пытались — нет ключей!
Весь божий мир извели,
В горах, в подземных пропастьях
Искали... Наконец,
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А все — не те ключи!
Пришлись они, — великое
Избранным людям Божиим
То было торжество, —
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворились,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Все нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются
На дно морей спускаются,
Под небо поднимаются —

Все нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся...
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыба
Гуляет — бог забыл!..»

Последыш¹

ГЛАВА I

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники...
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по луту,
Что гол, как у подъячего.
Щека, вчера побритая,
Стоят «Князя Волконские»²
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы.³

— Прокосы широчайшие, —
Сказал Пахом Онисимыч, —
Здесь богатырь народ! —
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном на стогу

¹ Основанием сюжета «Последыша» является, повидимому, рассказанный Некрасову факт об одной помещице, скрывшей от разбитого параличом мужа освобождение крестьян. [Ред.]

² Стоги.

³ Копны.

Он пил, а баба с вилами,
Здравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися —
Все пьет мужик! Отмеряли
Еще шагов полста,
Все разом оглянулись:
Попрежнему; закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята...

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается
Отава подкошенная,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на помочь!»
— Спасибо, молодцы!

Остановились странники...
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все, разом, занесенные,
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев.

По низменному берегу,
На Волге, травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:
«Давно мы не работали,
Давайте — покосим!»
Семь баб им косы отдали.

Проснулась, разгорелась
Привычка позабытая
К труду. Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валит траву высокую,
Под песню незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Мятелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова,
Неурожайка тож...
Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать...

— Откуда молодцы? —
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой): —
Куда вас бог несет?

А мы... — сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
«Помещик наш катается» —
Промолвил Влас и бросился
К рабочим: «Не зевать!
Коси дружей! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится — поклон ему.
Похвалит вас: ура кричи...
Эй, бабы, не галдеть!»
Другой мужик, присадистый
С широкой бородицею,
Почти-что то же самое
Народу приказал,

Надел кафтан — и барина
Бежит встречать. «Что за люди? —
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу, —
Снимите шапки!»

К берегу
Причалили три лодочки.
В одной прислуга, музыка,
В другой — кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей — господа:
Две барыни красивые
(Потоньше — белокурая,
Потолще — чернобровая),
Усатые два барина,
Три барченка-погодочки,
Да старый старичок,
Худой, как зайцы зимние
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна.
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные
И — разные глаза:
Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный.
Как оловянный грош.

При них собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,
На крохотных ногах...

Старик, поднявшись на берег,
На красном, мягком коврикe
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки

То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Все поле сенокосное

Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!»
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли

В один стожище матерой,
Сегодня только сметанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
«Недосмотрел маненечко!
Сыренко: виноват!»
Созвал народ — и вилами
Богатыря кряжистого
В присутствии помещика
По ключьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»

Со всей своею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу...

Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: — Дедушка,
Что за порядки чудные,
Что за чудной старик?

«Помещик наш: Утятин князь!»

— Чего же он куражится?
Теперь порядки новые,
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!

«А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое,
И пожня — не его!»
— А чья же?

«Нашей вотчины».

— Чего ж он тут суется,
Ин вы у бога не люди?

«Нет, мы, до божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей,
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая...»

— Какая же статья?

Под стогом лег старинушка
И — больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
— Эй! скатерть самобранная
Попотчуй мужиков! —
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять...

Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
— Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?

— Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать... А сами вы
Что за люди? Откуда вы?
Куда вас бог несет?

— Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть...
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды... —

Остановились странники...

— О чем же вы хлопчете?

— Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно. —

И улеглись. Молчат!

— Вы так-то, а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!

— А сам, небось, молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной волости,
Избыткова села!... —
И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шатались,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Влас слушал — и рассказчикоз
Глазами мерял: — Вижу я,
Вы тоже люди странные! —
Сказал он наконец:

— Чудим и мы достаточно,
А вы — и нас чудней!

— Да что ж у вас-то дееется?
Еще стаканчик, дедушка!

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас.

ГЛАВА II

— Помещик наш особенный,
Богатство непомерное,
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил,
Да вдруг гроза и грянула...

Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал, дуриет по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись — дерет!

Сам губернатор к барину
Приехал, долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворян слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая,
И как земля черна...
Пропал ни за копейку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала,
Соринку он терял.

— Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья! —
Заметил Митродор.

— Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, — сказал Пахом, —
Я раз по подозрению
В острог попавши — чудного
Там видел мужика.
За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
«А ну, на поселение

Сошлют — пропали денежки!»
«Все лучше!» — говорит...

— Ну, дальше, дальше, дедушка!

— Соринка дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое
И море все заплакало:
Лежит старик без памяти.
(Не встанет, так и думали!)
Приехали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барышни красивые —
То жоны молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту...
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись... Господи!
Как зверь метнулся раненый,
И загремел как гром,
Дела-то все недавние,
Я был в то время старостой,
Стучился тут, так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню все:
«Корят жидов, что предали
Христа... а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам
Сказал: «Вы, трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,
Что вышли из поповичей,
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,

Пускай бы... им простительно!
А вы... князя Утятини?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. Подкидыши,
Не дети вы мои!»

Оробели наследники:

А ну, как перед смертью
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки,
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек...
Чтоб только время выиграть,
Придумать: как тут быть?
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слышал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!

Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал, пред иконами
Со всей семьею молится,
Велит служить молебствие,
Звонить в колокола.
И силы словно прибыло,
Опять охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибежал),
Того и уговаривать
Не надо было: барина
Столь много любит он.
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князя Утятини
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение».
Ипат сказал: «Балуйтесь вы!
А я князей Утятиних
Холоп — и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забуть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости,
Рассказы у него
(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь... Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости,
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,

Так часто с князем ездили
Мы гусем в пять коней.
Однажды князь — затейник же! —
И посади фалетуром
Меня, раба последнего,
Со скрипкой впереди.

Любил он крепко музыку:
«Играй, Ипат!» А кучеру
Кричит: «Пошел живей!»
Мятель была изрядная.
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —
Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попридавили грудь.
Не то беда, а холодно,
Замерзнешь — нет спасения,
Кругом пустыня, снег...
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики,
Чу, ближе! чу, звончей,
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового,
И сколько ни рассказывал,
Всегда тут плакал он!)
Одел меня, согрел меня,
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!»

Поохотали странники...
Глотнув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: — Наследники
Ударили и вотчине
Челом: — «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нынешних

Ему не перенести.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное,
За все заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
На вряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»

Собрался мир, галдит!
Луга-то (эти самые)
Да водка, да с три короба
Посулов-то и сделали,
Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Гоехали к посреднику:
Смеется! «Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако, я противился:
— Вам, мужикам, с-полагоря,
А мне-то каково?
Что ни случится: к барину
Бурмистра! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать, дурацкие
Приказы исполнять?

«Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь — и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего».

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного —
Не хитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелось.
И так я на веку,
У притолоки стоячи,
Помялся перед барином
Досыта. «Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я — покорствую,
А только-что от должности
Увольте вы меня!»

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую
И старика, и вас.
Бог приберет Последыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина... Увидите!»

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный

Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами возжаётся,
Бродяга, коновал.
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь ездил с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
В просак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: Отечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.

«Я — русский мужичок!» —
Горланил диким голосом,
И, кокнув в лоб посудую,
Пил залпом полуштоф.
Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна — поделится,
Со встречным все пропьет.
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь — отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что за погудку правую
Смычком по роже бьют!
Подумавши оставили
Меня бурмистром: правлю я

Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку назвали,
Пускай его! По барину
Бурмистр, перед «Последышем»
Последний человек:

У Клина совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, как подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенной и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его —
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день,
Через деревню катится
Рессорная колясочка.
Вставай, картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
Подступит — ты молчи.
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу
Облает: и лентяи-то,
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работал мужик,
Да невдомек «Последышу»,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся — смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо),
Кричит: «Приказ по вотчине!»
Ну, слушаем приказ:
«Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаением,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодились
И правили тягло!»
А той вдове — под семьдесят,
А жениху — шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка
Близ барского двора,
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина.
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!»
Опять смеется вотчина.
«А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на кол тот коровушек
Сажал. Долгонько слушались:
Весь город разукрасили,

Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадались,
Что спятил он с ума!
Еще приказ: «У сторожа,
У ундера Софронова
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещицней
Усадьбе назначается
Ерёмка!..» Покатились
Опять крестьяне со смеху:
Ерёмка тот с рождения
Глухонемой дурак!

Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должность! Бегаёт,
Чудит, во всё мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит за одно.
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Все покупают барыни,
И кормят, и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутились
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
«Ай мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотою...
Бог с ними, с сенокосами,

Знать не хочу господ!..
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Винцо-то он любил).
Да чорт его современем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес среди бела дня!),
Навстречу та колясочка,
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?»
А сам смекнул откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.
Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое...

Захохотал Агап!
«Ах шут ты, шут гороховый,
Нишкни!» — да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.

Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая — обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: «Убью! ..
Что брага, раскуражились
Подонки из поганого
Корыта. . . Цыц! Нишкни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка — и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Нишкни! . . .»

«Ты — бунтовщик!» — с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал!
«Теперь конец!» — подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло — не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную
Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их — к Агапушке,

И к Климу, и ко мне!
-Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные.
«Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом орать с полуночи
Поил его — и пьяного
Привел на барский двор.
Все обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш: так расстроился. . .
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
«Пей, да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушайся Агап,
Чу, вопит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает,
Чуть мы не рассмеялись,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка. . . Ка-тай!» .
Ни дать, ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф:
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!» —
Он ласково сказал. . .

— Вишь, тоже добрый! сжалился, —
Заметил Пров, а Влас ему:
— Не зол... да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина — в гробу!
Все лучше, кабы бог его
Прибрал... Уж нет Агапушки...

— Как! умер?

— Да, почтенные:
Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест...
С чего? Один бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами
И пальцем. Ну а все ж
Нет, нет да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка не поклончива,
А тут: иди ложись!
Положим: ладно кончилось,
А все Агап надумался:
Упрешься — мир осердится,
А мир дурак — доймет!
Всё разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще Клим бессовестный,
Сгубил его, анафема,
Винищем!..

Вон от барина
Посол идет: откушали.
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!

ГЛАВА III

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ...

За длинным, белым столиком,
Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте — старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошонное
И разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстук
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла, губы красные,
По яблоку глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ай, косынька, как золото
На солнышке горит!

На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше — челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошорстые.
Барчонки дразнят их...

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр:

«А скоро ли? —
Спросил помещик, кушая, —
Окончим сенокос?»

— Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,
С тягла: работник с лошадей,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день.
Господский срок кончается...

«Тсс! тсс! — сказал Утятин князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил, —
Какой такой *господский срок*,
Откудова ты взял его?»

И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.
Бурмистр потупил голову.
— Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Все уберем, бог даст!
Не правда ли, ребятушки?
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
«Вестимо так, Клим Яковлич,
Покуда ведро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше — подождет!»

«Бабенка, а умней тебя!»
Помещик вдруг ослабил
И начал хохотать.
«Ха-ха! дурак! Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха... дурак! .. ха-ха-ха-ха!
Господский срок — вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин! ..

Влас наземь опускается.
— Что так? — спросили странники.
— Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор, как слух прошел,
Что воля нам готовится,

У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти! . .

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шинел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И круглый, как у филина,
Вертелся колесом.
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал.
Царевым гневом, божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

«Отцы! — сказал Клим Яковлич.
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг: —
Кого же нам и слушаться,
Кого любить, надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Все ваше, все господское —
Домишки наши ветхие

И животишки хворые
И сами — ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощ огородная,
И волос на нечесаной
Мужицкой голове —
Все ваше, все господское!
В могилах наши прадеды,
На печках деда старье
И в зыбках дети малые —
Все ваше, все господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!»

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал.
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глонул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре — кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки
Над ними — царь один!
А мужики — вязовые,
И гнутся-то, и тянутся,

А думает: как быть.
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замаялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как влепит сотню добрую
При всем честном миру!
— Иди-ка ты, Романушка! —
Сказали братья Губины, —
Иди! ты любишь бар!
— Нет, сами вы попробуйте! —
И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул. «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

— Ну, да и врал же ты!

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою, —
Не в их руках мы, что ль? ..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб¹,
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!»

— Что ж там-то будет, Климушка?

«А будет, что назначено:
Они в котле кипятят,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак, до смеху-ли!
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного...
Да кто у вас сплосал?»

«А кто сплосал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да всё испортит он!
Мужик богатый... Питерщик...
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай!»

«Ну... вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей...»

«Нет! разбегутся все...»

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался.»

«А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?»

«Что ж делать?.. Вот беда!»

«Давай сюда бумажку ту!
Постойте, я вас выручу!» —

¹ Могила.

Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума.
И побежала к барину.
Бух в ноги: «Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму
Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани — чешется,
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит.
Работать не работает,
Знай, скалит зубые белые,
Смешлив... так бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется дурачок!
Подас ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив... что с ним поделаешь!
Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!»

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Цалует ноги барину.
«Ну, бог с тобой! Иди» —
Сказал Последыш ласково, —
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
«Какой ты добрый!» — молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:

Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего,
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захотел! За ним
Захотели барыни,
За ними — их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормижки, нянюшки,
А там — и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девицам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку...

Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(«Вот так-то, чем бы старому
Лекарство пить, — заметил Влас, —
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял».)

Гремит на Волге музыка,
Поют и пляшут девицы,
Ну, словом, пир горой!
К девицам присоединиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел.
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал —
А глаз свое выделявал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам. —
Танцуйте!» Делать нечего.
Прошлись они под музыку,
Старик их осмелял:
Качаясь, как на палубе,
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелось
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал.

Чудесно спела барыня,
Ласкала слух та песенка,
Не громкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым.

Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.

Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно. . . лодка тронулась
И мерно поплыла. . .
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру. . .

«Уважил 'я Последыша!
Сказал бурмистр. — Господь с тобой!
Куражься, колобродь.
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую,
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы, поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел,
Стоять перед Последышем
Напасть. . . язык приметется,
А пуще смех долит.
Глаз этот. . . как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
«Куда ты, друг единственный,
По надобности собственной,
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною! . . .»
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветренный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель бог,

Я за такую каторгу
И тысячу рублей,
Когда б не знал доподлинно
Что я перед *Последышем*
Стою... Что он куражится
По воле по моей...»

Влас отвечал задумчиво:
— Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни — вся вотчина...
(Да, все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век... да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Не даром вахлаки! —

Однако, Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать... «ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой малолеточком
Клим посадил рядом
И жениха с невестою
Поздравил. Подурачились
Досыта мужики.
Приели все, все припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь.
«Как так?» «Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар!»

Крестьяне пораженные

Переглянулись... крестятся.
Вздохнули... Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки... .

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна:
Со смертью Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются дондесь.
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве... бы в Питере...
А толку что-то нет!

1872 г.

Ч Е Т В Е Р Т А Я Ч А С Т Ь

Пир на весь мир¹

Посвящается Сергею Петровичу Боткину.

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце села Вахлачина,
Где житель — пахарь исстари
И частью — смолокур,
Под старой-старой ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Цалуются, милуются —
Шел пир, великий пир!
Орудовать по-питерски
Привыкший дело всякое,
Знакомец наш Клим Яковлич,
Видавший благородные
Пирры с речами, спичами,
Затейщик пира был.
На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели с Власом-старостой
(Им дело до всего).
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку

¹ «Пир на весь мир» написан Некрасовым в 1876 году, но цензура не разрешала его напечатать. Даже после смерти Некрасова, до самой революции печаталась эта часть с выпусками «Веселой» и «Солдатской» песен. [Ред.]

Вскричал: «Беги за Трифоном!»
С дьячком приходским Трифоном,
Гуляжкой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы Саввушка
И Гриша; было старшему
Уж девятнадцать лет.
Теперь же протодьяконом
Смотрел, а у Григорья
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Простые парни, добрые,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.

Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города
В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар все снес третьеводни),
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становились,
Парома поджидаячи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница
И тихий богомол.
В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику-
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей: попадаютя
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью — осердится!
Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте на подати.
Все взвешено, рассчитано,
Как раз оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?»

— А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть — работаю,
Не то валяюсь с бабою,
Не то иду в кабак!
«Так!» — вся орда вахлацкая
На слово Климки Лавина
Откликнулась на подати.
«Согласен, дядя Влас?»

— У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, —
Сказал шутливо староста. —
Начнет Климаха бабою,

А кончит — кабаком!
«А чем же? Не острогом же
Кончать ту. Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья:
Влас был душа добрейшая,
Бодел за всю вахлачину,
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалось,
Что лучшее кончалось
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид... до смеху ли?...
Влас вечно был угрюм.
А тут сплошал старинушка.
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его.
Ему невольно думалось:
«Без барщины... без подати...
Без палки... правда ль, господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч — и чудо там:
Роса горит алмазами,
Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:

У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован тир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались.
Как, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать, —
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Само собой сложилось
В поминки по подрезанным
Помещичьим крепям.
К дьячку с семинаристами
Пристали: «Пой веселую!»
Запели молодцы.
(Ту песню, не народную,
Впервые спел сын Трифона,
Григорий Вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепки снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми —
Вахлак ее не пел,
А слушая притопывал,
Присвистывал; «веселую»
Не в шутку называл.)

Глава 1

ГОРЬКОЕ ВРЕМЯ — ГОРЬКИЕ ПЕСНИ

Веселая

— Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!
«Где же наши куры?» —
— Увели, мой свет!
Барин для приплоду
Взял ее домой.
Славно жить народу
На Руси святой!

«Где же наши куры?»
Девчонки орут.
— Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу,
Да сулил постой...
Славно жить народу
На Руси святой!
Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила — ревет:
Во дворе больше году
Дочка... нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь — и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин — дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей
Славно жить народу
На Руси святой!

Потом свою, вахлацкую,
Родную хором грянули,
Протяжную, печальную —
Иных покамест нет.
Не диво ль? Широкая
Сторонка Русь крешеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как ведреной денек.
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,
Но как? . . . Душа народная,
Воссмейся ж наконец! . . .

Барщинная

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.
Верченый, крученой,
Сеченый, мученой
Еле Калина бредет.
В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине,
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене. . .

«Ай, песенка! . . . Запомнить бы! . . .»
Тужили наши странники,
Что память коротка,

А вахлаки бахвалились:
— Мы барщинные! С наше-то
Попробуй, потерпи!
Мы барщинные выросли
Под рылом у помещика;
День — каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками!
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю гляючи,
Мы потеряли речь.
В молчанку напивались,
В молчанку целовались,
В молчанку драка шла.
— Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка-то
Досталась солоней! —
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший.
(Нужда пристала крайняя,
Скосил — и на базар!)
— Решила наша барышня
Гертруда Александровна,
Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться,
А мужику не лаяться —
Едино, что молчать.
Намаялись, уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругались,
Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные,
Гудевшие в тот день.

Такие сказы чудные
Посыпались. . . и диво ли!

Ходить далеко за словом
Не надо — все прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия, —
Сказал детина с черными,
Большими бакенбардами, —
Так нет ее чудней».
(На малом шляпка круглая,
С значком жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал.
А выше — ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.
«Так что же, брат, рассказывай!»
«Дай, прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: — Что за гусь?
— Так, подбегало-мученик ¹
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина ²
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Претнул! За ним осталася
И кличка «выездной».
Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы. . .

¹ Подбегало — человек нетутошный, пришлый, приписавшийся к деревне.

² Тизенгаузена.

Расскажет он, послушайте,
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел ¹.
Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

Про холопа примерного — Якова верного ²

Был господин не высокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил.
Жадный, скупой, не дружился с дворянами,
Только к сестрице ездил на чаек;
Даже с родными, не только с крестьянами,
Был господин Поливанов жесток,
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек — обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного
Походя дул каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа,
Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать,
Да племяша-малолетка качать,
Так они оба до старости дожили,

¹ Примета: чтоб иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца.

² «Про холопа примерного — Якова верного» — это стихотворение основано на истории, рассказанной Некрасову А. Ф. Кони, о самоубийстве одного крепостного кушера, повесившегося на глазах жестокого барина. [Ред.]

Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили...
Полно кутить, баловаться и петь!

Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах — кандалы!

Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать; в хорошие дни
Вывесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгушке свезет до сестры,
Сам до старушки добратся поможет.
Так они жили ладком — до поры...

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги. «Жениться хочу!»
«Кто же невеста?» «Невеста — Ариша».
Барин отвечает: «В гроб вколочу!»
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл,
Крепко обидел холопа примерного
Якова верного

Барин — холоп задурил!
Мертвую запил... Неловко без Якова.
Кто ни послужит — дурак, негодяй!
Злость-то давно накопилась у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пёсски ругается,
Так две недели прошли.
Вдруг его верный холоп возвращается...

Первое дело: поклон до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногого;
Кто-де сумеет его соблюсти?
«Не поминай только дела жестокого,
Буду свой крест до могилы нести!»

Снова помещик лежит под халатом,
Снова у ног его Яков сидит,
Снова помещик зовет его братом.
«Что ты нахмурился Яша?» «Мутит!»
Много грибов нанизали на нитки,
В карты сыграли, чайку напились,
Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлекся к сестре собрались.
Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад,
Яков угрюм, говорит неохотно,
Возжи у Якова дрожмя дрожат.
Крестится: «Чур меня, сила нечистая!»
Шепчет «рассыпья!» (мутил его враг).
Едут... Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари Чортов овраг.
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: «Куда ж ты, куда?»
Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога — беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят...
Стали лошадки, и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,
Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы — и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»

Яков на сосну высокую прынул,
Возжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю — и ноги спустил!

Экие страсти господни! Висит
Яков над барином, мерно качается
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!

Вытянул голову, голос напряг
Барин — напрасные крики!
В саван окутался Чортов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать, только совы снуют,
Озель ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.

Словно чугунок подходит — горят
Чьи-то два круглые, яркие ока.
Птицы какие-то с шумом летят,
Слышно, посели они недалеко.
Ворон над Яковом каркнул один.

Чу! их слетелось до сотни.
Ухнул, трозит костылем господин!..
Экие страсти господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
«Грешен я, грешен! Казните меня!»
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи» — слышались
Со всех сторон. «Жаль Якова,
Да жутко и за барина,

Какую принял казнь!»
«Жалей! ..» Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней.
Один сказал: «Кабатчики»,
Другой сказал: «Помещики»,
А третий — «Мужики».
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный
Мужик, не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль, и поперек.
Его послушать надо бы.
Однако, вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить.
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты!»...
— А ты бы прежде выслушал..
«Дурак же ты...»

— И все-то вы,

Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало: лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное, мастак
Подстерегать okazji,
Когда собирались подати
И собственность вахлацкая
Спускалась с молотка.
— Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте!

— Ну, кто же? говори!
«Известно, кто, разбойники!»
А Клим ему в ответ:
— Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну, мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой — статья особая,
Разбой тут ни причем!
«Разбойник за разбойника
Вступился!» — прасол вымолвил,
А Лавин — скок к нему!
— Молись! — и в зубы прасола.
«Прощайся с животишками!»
И прасол в зубы Лавина
«Ай, драка! молодцы!»
Крестьяне расступились,
Никто не поздадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
— Убью! пиши к родителям!
— Убью! зови попа!
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом: «кланяйся».
Купца к своим ногам.
— Ну, баста! — прасол вымолвил.
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
— Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет не пашет — шляется
По коновальской должности:
Как сил не нагулять?
(Крестьяне засмеялись.)
— А ты еще не хочешь ли? —

Сказал задорно Клим.
— Ты думал, нет? Попробуем!
Купец снят чуйку бережно
И в руки поплевал.
«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прислушайте!
И так вас помирю!»
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиранный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселся,
Настала тишина.

Глава II

СТРАННИКИ И БОГОМОЛЬЦЫ

Бездомного, безродного
Не мало попадаетея
Народу на Руси.
Не жнут, не сеют — кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью
Как на доходный промысел
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, — им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,

За «слезки богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Троицы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласия матерей,
В селе Крутые-Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запирались,
Оттуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако, чем же кончилось?
Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девицъей,
А там и до помещицы;
Бренчит ключами; по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!..
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги дупудовые
По телу опоясаны,

Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить — живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища — хлеб один.
Чуден ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, все выслушал.
— К допросу сомутителя! —
Он то же и ему:
«Ты врат Христов, антихристов
Посланник!» Соцкой, староста
Мигали старику:
— Эй, покорись! — Не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоячи,
Усоловцам кричал:

«Горе вам, горе, пропащие головы:
Были оборваны, — будете голы вы,
Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..
Правды в судилище, свету в ночи,
В мире добра — не ищи».
Усоловцы крестились,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!
У парня, у подводчика
С испугу возжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская

Команда утром грянула:
В Устой село не дальное
Солдатики прошли.
Допросы! усмирение!
Тревога! поспопутности
Досталось и усоловцам,
Пророчество строптивного
Чуть в точку не сбылось.
Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка.
Посадская вдова:
Как божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее.

Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной;
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы — те радехоньки!
Зимой, перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Ужь в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благославляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь,
В избе все словно замерло.

Старик чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает:
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколоте
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок.
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилось,
Сидит, — зрачки расширены,
Руками развела. . .
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешаны
Спустившимися прядями
Волос — не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! Уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями,
Услышишь шопот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяйюшки
Веретено пузатое
Скатилось с колен.
Кот Васька насторожился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы

Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него
И как оно каталось,
Пока не размоталась
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих заходящих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою,
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно,
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая
Душа народа русского...
О, сеятель! приди!..
Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушались
Крестьяне божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его?
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:

«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждую иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело божие.
Котора взглянет ласковой,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконою шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу: чашей полною,
По милости Ионушки
Становится она.

Не громко и не торопко
Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О двух великих грешниках

Господу богу помолимся
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирым.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр — атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан;

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Ерждь-Кудеяр из-под Киева
Езвез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютото
Совесьть господь пробудил.

Сон отлетел, опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать — не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесьть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл,

И прегрешенья отмаливать
К гробу господню идет,
Странствует, молится, кается, —
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,
Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и ночью всезышнего
Молит: грехи отпусти,
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал.

Рек: «Не без божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой.
Тем же ножом, что разбойничал
Срежь его той же рукой!

«Будет работа великая,
Будет награда за труд,
Только-что рухнется дерево,
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище.
Дуб — три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут — подвигается
Меленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Потнул — и пана Глуховского
Видит на берзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Ивано жестокого, страшного
Старец о пане слышал,
И в поучение грешнику
Тому свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино

«Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов!

Глава III

И СТАРОЕ И НОВОЕ

Иона кончил, крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:
— Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром! —
— Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют,
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то... —
«Паром! пар-ром! пар-ром!»

Ушел, с телегой возится;
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: «дуры! цыц!»
Теленок в ней мотается —
Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажог коня саврасого
Кнутом — и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою,
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
— Отдумал, стало, драться-то?
А спорить — видит — не о чем, —
Заметил Влас. — Ой, Господи!
Велик дворянский грех!
— Велик, а все не быть ему
Против греха крестьянского, —
снять Игнатий Прохоров
Не вытерпел — сказал.
Клим плюнул. — Эк приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей... ну, сказывай.
Что за великий грех?

Крестьянский грех

Адмирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковым бился с туркою,
Наносил ему поражение,
И зато ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.

В той ли вотчине припеваючи
Давает век адмирал-вдовец,

И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой-ты, староста! береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»

Адмирал-вдовец на столе лежит,
Дальний родственник хоронить катит...

Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Все повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную...

Глеб,—он жаден был,—соблазняется:
Завещание сожигается!

На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем, что народу-то:
Что народу-то, с камнем в воду-то!
Все прощает бог, а Иудин грех

Не прощается.
Ой, мужик, мужик! ты грешнее всех
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный
Громовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»
— И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!.. — сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас

И скоро подававшийся
Как горю, так и радости.
— Великий грех! великий грех! —
Госкливо вторил Клим.
Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг:
Пропали люди гордые
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Не солоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной,
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную,
Смолу, слезу вахлацкую,
Урежет, попрекнет:

«За что платить вам много-то?
У вас товар не купленный,
Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»

Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее.

Стоит мужик —
Кольшется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет — пыхтит,
Идет — и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голоса:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

«Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Все съем один,
Управлюсь сам.

Хоть мать, хоть сын
Проси — не дам!»

— Ой, батюшки, есть хочется! —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура
Достал краюху — ест.
— Поют они без голоса,
А слушать — дрожь по волосу! —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром — свок «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер кольхал.
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые.
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» За ними слышится
Дьячково слово: сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
— Хошь водки? — Пил достаточно.
Что тут у вас стучилось?
Как в воду вы опущены!
— Мы?.. что ты... — Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

— Неволя к вам вернулась?
Погонят вас на барщину?
Зута у вас отобраны?

— Луга-то?.. Шутишь, брат!

— Так что ж переменялось?..
Закаркали «Голодную»,
Накликать голод хочется?

— Никак и впрямь ништо! —
Клим как из пушки выпалил,
У многих зачесались
Затылки, шопот слышится:
— Никак и впрямь ништо!

— «Пей, вахлачки, погуливай!
Все ладно, все по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»

— По-нашему ли, Климушка?

А Глеб-то?..

Потолковано

Не мало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь!
«Змея родит змееньшей,
А крепь — грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи — нет помещика,
До плети доводящего
Усердного раба,
Нет крепи — нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему.
Нет крепи — Глеба нового
Не будет на Руси!»
Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Ослабился, товарищам
Сказал победным голосом:

— Мотайте-ка на ус!

— Так, значит, и «Голодную»

Теперь навеки по-боку?

Эй! други! Пой веселую! —

Клим радостно кричал..

Пошло, толпой подхвачено,

О крепи слово верное

Трепаться: «нет змеи —

Не будет и змееньшей!»

Клим Яковлев Игнатия

Опять ругнул: дурак же ты!

Чуть-чуть не подрались!

Дьячок рыдал над Гришею:

— Создаст же бог головушку!

Недаром порывается

В Москву, в новорситет! —

А Влас его поглаживал:

— Дай бог тебе и серебра,

И золотца, дай умную,

Здоровую жену!

— Не надо мне ни серебра,

Ни золота, а дай господь,

Чтоб землякам моим

И каждому крестьянину

Жилось вольготно-весело

На всей святой Руси! —

Зардевшись, словно девочка

Сказал из сердца самого

Григорий — и ушел.

Светаёт. Снаряжаются

Подводчики. — Эй, Влас Ильич!

Иди сюда, гляди, кто здесь! —

Сказал Игнатий Прохоров,

Взяв к бревнам приваленную

Дугу. Подходит Влас,

За ним бегом Клим Яковлев.

За Климом — наши странники

(Им дело до всего):

За бревнами, где нищие
В повалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученной,
Избитый человек;
На нем одёжа новая,
Да только вся изорвана,
На шее красный, шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «бей его!»
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит — земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною,
Народ кричал им: «бей его!» —
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.

— Что за мужчина? — старосту
Допытывали странники, —
За что его тузят?

— Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова.
Что буде где покажется
Егорка Шутов — бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы,
Расскажут. — Удоволили? —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.

— Догнали. удоволили!

Побег к Кузьмо-Демьянскому:
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит. —

Чудной народ: бьют сонного,
За что, про что не знаючи. . .

— Коли всем миром велено:
Бей! стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников. —
Не ветрогоны тисковцы!
Давно ли там десятого
Пороли? . . ой, Егор! . .
Ай, служба — должность подлая! . .
Гнусь-человек! — Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать,
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй!

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука, да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина. (Прогнали тут
Гусей; три затомилися, —
Мужик их нес под мышкою.
«Продай! помрут до городу!»
Купили ни за что.)
Как пьет мужик, толковано
Не мало, а не всякому
Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,

Чем на вино, бросается.
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины, —
На что твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклонилось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в округности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком¹ кормится дедушка,
Москву да Кремль показывал.
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил — так не приходятся
Заученные натвёрдо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
— Здорово, дедко! спрыгни-ка
Да выпей с нами рюмочку.
Да в ложечки ударь!
— Забраться-то, забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведёт! — «Не бось, до города

¹ Райк — небольшой ящик с передвижными картинками. «Дед-раешник» сопровождал их комментариями — юмористическими прибаутками. В настоящее время это народное зрелище исчезло. [Ред.]

Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
— Сгорел? И по делу ему!
Сгорел? Так я до Питера!
Там все мои товарищи
Гуляют с полной пенцией,
Там — дело разберут!
«Чай, по чугунке тронешься?»
Служивый посвистал.

— Не долго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам любя,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,
А коли семь-то рубликов
Платить, так чорт с тобой!
Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит:
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет!

— А ты ударь-ка в ложечки, —
Сказал солдату староста, —
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно,
Авось, дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!
(Влас Клима не долюбивал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: — «Орудуй, Клим!»
А Клим тому и рад.)
Спустили с возу дедушку.
Солдат был хрупок на ноги,

Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно,
Когда сводило старого —
Чорт чортом! Рот ощерится,
Глаза — что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Что быю вплоть до берегу
Народу — все сбегается.
Ударил и запел:

Солдатская

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Нутка, с редута-то с первого номеру,
Нутка, с Георгием — по-миру, по-миру!

У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину!
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин вор
Оскотинился.

Нет у бедного
Гроша медного:

Не взыщи, солдат!
— И не надо, брат.

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет!
Смерти нет!

Только трех Матре
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.

У первой Матрены
Грузочки ядрены,
Матрена вторая
Несет каравая,

У третьей водицы поплю из ковша:
Вода ключевая, а мера — душа;

Тошен свет
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна

Служивого задергало.
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирю на весу!
Проделал тоже с правою,
Ругнулся: «жизнь проклятая!» —
И вдруг на обе стал.

— «Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице.
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко

И громко крикнул: слушайте!
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

к л и м

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: измладости
Колю на ней дрова,
Так та не так изранена,
Как господин служивенькой.
Взгляните: в чём душа!

с о л д а т

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

к л и м

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика.
Инспектор сам осматривал,
Сказал: «второразрядные —
По ним и пенцион».

с о л д а т

Полного выдать не велено.
Сердце насквозь не прострелено.
Служивый всхлипнул, в ложечки
Хотел ударить — скорчилю!
Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.

К л и м
Какое в нашем городе
Начальство? По делом его
Пожар загнал в острог!
Вершками раны смеряли
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерит пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В середине лба пробоина
В целковый. И того:
На рубль пятнадцать деньгою
Побоев». Приравняешь ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

с о л д а т

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками,
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

к л и м

Ему бы в Питер надобно
До комитета раненых, —
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугункою?
Кусаться начала!

с о л д а т

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеюю шипит:

«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал
И слышалось, как стучалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал; уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копеечке,
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался...

Глава IV

ДОБРОЕ ВРЕМЯ — ДОБРЫЕ ПЕСНИ

В замену спичей с песнями,
В подспорье речи с дракою,
Пир только к утру кончился, —
Великий пир! Расходится
Народ. Уснув, остались
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка,
Смиранный богомол.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!
Жизнь трудовая
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?
Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две каморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень — летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет;
Была собака Зудушка,
Был кот — и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделось,
Ушел в поля, в луга.
У Гриши — кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо — их не докармливал
Хапуга эконоом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит — ждет жадно ситника,
Который выдавался им

Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлачина,
Они в ней отъедались,
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городе.

Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.
Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба, у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их во всей вахлачине,
Сгоняемой на барщину,
Не густо! Благо хлебушком
Вахлак делился с Домною.
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,

О соли пела Домнушка,
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

Соленая

Никто как бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди — умрет!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь солью!»

А соли нет,
Хоть бы шепоть!
«Посыпь мукой» —
Шепнул господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой...
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла...

Знать, солоня
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал — тужил о матушке
И обо всей вахлячине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлячине
Слилась — и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Что будет жить для счастья
Убогого и темного
Родного уголка.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землею,
Не всё ж пути лукавые!
Над Русью оживающей
Иная песня слышится:
То ангел милосердия
Над ней незримо носится
И юношам поет:

Средь мира дольного
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую, —
Каким итти?

Одна просторная
Дорога — торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выпрерней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная,
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бранные...
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая — тесная
Дорога, честная
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд.

Иди к униженным,
Иди к обиженным —
По их стопам,

Где трудно дышится,
Где горе слышится,
Будь первый там!

И ангел милосердия
Не даром песнь призывную
Поет над русским юношей,
Не мало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара божьего,
На честные пути.
Как ни темна вахлячина,
Как ни забита барщиной
И рабством, а она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца.
Ему судьба готовила
Путь славный, имя громкое
Народного заступника,
Чахотку и Сибирь.

Светило солнце ласково,
Дышало утро раннее
Прохладой, ароматами
Косимых всюду трав...
Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахляцкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

«В минуты унынья, о родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю.
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

«Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудной,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски-бессудной.

«Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар как коня выводил
На рынок раба-славянина,

«И русскую деву влекли на позор,
Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?
«Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.

«И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе покуда — раба,
Но мать уже вольного сына!»

Сманила Гришу узкая
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала.
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то

Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается, —
Три дня тому сгоревшего
Обутленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка,
На выгоне стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем,
Все спит еще, немногие
Проснулись: два подъячие,
Придерживая полочки
Халатов, пробираются
Между шкапами, стульями,
Узлами, экипажами,
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет — как лист дрожит
Восстав от сна, с молитвою
Причесывает голову
И держит на-отлет,
Как девка косу длинную,
Высокий и осанистый
Протоиерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки нагруженные, —
Вчера бурлаки с песнями
Сюда их привели.
А вот и он — измученной
Бурлак! Походкой праздничной

Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
А с губ слова срывались
То шопотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак

«Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «дубинушку» стонал;
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул.
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.

Зашиты в пояс три рубля.
Остатком — медью — шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крикнул от души,
Перекрестил на церковь грудь:
Пора и в путь! пора и в путь!

Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач,
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней.
Он шел домой — не близкий путь.
Дай бог дойти и отдохнуть!»

С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,

К народу переѣли.
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая
Покуда песней новою
Не утолил натруженной
Горящей головы.

Русь¹

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная.
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается,

Русь не шелохнется,
Русь — как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая —

Встали — небужены,
Вышли — непрошены:
Жита по зернышку
Горы nanoшены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

«Зналась мне песенка! — молвил Гриша, прыгая: —
Горько сказалась правда в ней великая
Завтра же спою ее вахлячкам — не все же им
Безна петь унылые... Помогай, о боже, им!
Как с игры да с беганья щеки разгораются,
Так с хорошей песенки духом поднимаются
Бедные, забытые!..» Прочитав торжественно
Эту песню новую (брат сказал: «божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалось, не спалось
Кратче прежней песенка в полусне слагалась;
Быть бы нашим странникам под родною крышею,
Есть бы знать могли они, что творилось с Гришею.
Слышал он в груди своей силы необъятные,
Успокоили слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастья народного!

Октябрь, 1876. Ялта.

¹ Песня Гриши — образ семинариста-народника Гриши создан Некрасовым под влиянием личности критика-революционера Добролюбова. Личность и статьи рано умершего (в 1861 г.) Добролюбова имели огромное значение для революционной молодежи 1860-х — 1870-х годов. [Ред.]

Из поэмы

«КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»

1

* * *

Умрет жена у пахаря —
Другую заведет,
Умрет и та — он женится
На третьей... не беда!
Умрет ребенок — лишняя
Кроха живым останется;
Коровушка падет —
Всё не беда, а полбеда.
Беда непоправимая,
Когда валиться лошади
У пахарей начнут.

Зарыв свою коровушку,
«Не плачь, жена! поправимся» —
Мелентий говорит. —
Бог милостив! С саврасушкой
Побольше поработаем,
Убыток наведем!»
Чтоб вдоволь наработаться,
Чем свет идет за лошадыю,
Пришел и оробел:
Саврас его, как вкопанный,
Стоит, понуря голову,
И дышит тяжело.
Пощупал горло... Господи!
Точь-в-точь как у буренушки,
Всю шею разнесло!..

Повел домой саврасушку;
Как пьяный, сам шатается,
И лошадь, словно пьяная,
Шагает вяло, медленно...
У клетки привязав
Коня, Мелентий вымолвил
Глухим, негромким голосом:
«Что делать нам теперь?»
Пришла жена с ребятками,
Пришел столетний дедушка,
Взглянули на саврасушку —
И зарыдали все...

Я тут как тут по должности
Врача ветеринарного
Наехал... Вся семья
Взмолилась, в ноги бросилась:
«Не сам ли бог послал тебя?
Спаси!..» Достал я снадобье,
И влил коню в нутро;
Другое дал я снадобье,
Чтоб растирали опухоль, —
Конь. *поспокойней стал,*
Да не надолго. Случаев
Выздоровленья не было
В разгар эпизоотии.
Савраска захрипел,
Упал... он долго корчился,
От боли землю грыз;
Потом заржал пронзительно
И вытянулся... «Кончился» —
Крестьянин прошептал...

На всю семью несчастную
Нашел столбняк; какое-то
По истине ужасное
Молчание; потом
Всеобщее рыдание
Жены, сестры, хозяина,

Слепой столетней бабушки
 До мальчика трехлетнего,
 Которого саврасушка
 Еще вчерашним вечером
 Деревней прокатил!
 Потом возглас хозяина
 К соседям, праздным зрителям:
 «Эй! братцы! помоги
 Свезти савраску за версту
 И в сажень яму выкопать, —
 Начальство так велит.
 Мне не на чем свезти его,
 Нет мочи яму выкопать,
 Ослаб я... помоги!»
 Отказ: «помочь мы рады бы
 Да заразиться боязно,
 У нас своя скотинушка...»
 «И ладно! Эй, жена!
 Сестра! Ну принимайтесь,
 У нас уж падать некому».
 И впрямь! Савраску бедного
 Вооружась лопатою,
 Семья поволокла...

Пахомушка

Есть у Пахомушки жонка и дети,
 Да не Пахомушке ими владети:
 Лег семьянином, а встал бобылем.
 Нынче — крестьянин оброчной,
 Завтра — холоп беспорточной,
 Через неделю солдат под ружьем.
 Не бережет ни коровушки,
 Ни забубенной головушки,
 Ни ребятишек Пахом!

О Б Ъ Я С Ш Е Н И Е С Л О В

(в алфавитном порядке).

Б а л я с н и ч а т ь — болтать от нечего делать.
 Б у р м и с т р — поставленный помещиком над вотчиной староста по выбору крестьян.
 Б у л а в а — дубина с шишкой на конце, некогда оружие и признак власти.
 В е р т о г р а д (церковн.) — сад, виноградник.
 В о т ч и н а — родовое имение.
 В ё д р о — ясная, хорошая погода.
 В о з д у х и — покрывало для чаши на престоле, принадлежность христианского церковного богослужения.
 Д о ш л ы й, д о к а — ловкий, проныра.
 Д е н н и к — некрытая загородь для скота.
 Д о р м е з — дорожная карета, в которой можно лежать.
 К р е п ь — крепостное право.
 К у т е й н и к и — шуточное прозвище церковников.
 К о р ч а г а — большой глиняный горшок или чугунок.
 К р е н и т ь (морск.) — клонить на бок.
 К о с у ш к а — шкалик, четверть штофа или полбутылки.
 Н а м е т а н н ы й — ловкий, приученный.
 Н а я н — нахал, назойливый человек.
 Н о в и н а — первый сбор нового урожая.
 О ф е н и — разносчики, издавна странствовавшие по России и торговавшие дешевыми произведениями народной литературы.
 П е ш у р — большая высокая корзина.
 П о е м н ы е л у г а — заливаемые вешней водой.
 П о д т ь я ч и е — писцы в судах.
 П о д о п л е к а — подкладка, подбой у крестьянской рубахи.
 П о с к о н н ы е ш т а н ы — из крестьянского холста.
 П р о л о г — предисловие, вступление.
 Р а с к о л ь н и к — противник господствующей церкви.
 Р у к а в е з д е — знакомства.
 Р и г а — сарай, куда складывается сжатый хлеб; зимой он там же обмолачивается.
 С т о л б о в а я д о р о ж е н ь к а — большая, почтовая дорожка с верстовыми столбами.
 С б и т е н ь — горячий напиток с подоженным медом.
 С у с а л ь н о е з о л о т о — позолоченные тонкие листы меди.

Трюфель — кушанье, соус из грибов.
Тузить — бить, колотить,
Утюжить — бить, мять кого-либо.
Хазовый конец — конец ткани, который делается почище, напоказ.
Цуг — лошади, запряженные гуськом одна за другой.
Штофные лавочки — торгующие вином.
Шандал — подсвечник.
Шлык — крестьянский головной убор.

Отв. редактор *В. Буш.* Техн. редактор *В. Яковлева.*
Корректор *Н. Малнов.*

Книга сдана в набор 4/VII 1933 г. Подписана к печати 7/VIII 1933 г.
ОГНЗ ГИХЛ № 2704/л. Тираж 75.250. Ленингр. Горлит № 18765. Зак. № 823.
Формат бум. 72×94 1/32 см. 16 1/4 печ. л. 124800 тип. зн. в 1 бум. листе) 4 1/6 л.

2-я тип. „Печати. Двор“ треста „Полиграфкнига“, Ленинград, Гатчинская 23.